

Властилина Богатова
Обожжённая душа

«Литнет»

2017

Богатова В.

Обожжённая душа / В. Богатова — «Литнет», 2017

Когда-то он запер на замок свою душу, но встреча с ней заглушает холодный голос разума, оживляя раненное сердце. Только та, кто смогла разжечь пламя, остаётся запретной для него, ведь она жена самого князя.

© Богатова В., 2017

© Литнет, 2017

Содержание

ГЛАВА 1. Замысел	5
ГЛАВА 2. Гостиный двор	9
ГЛАВА 3. Острог	17
ГЛАВА 4. Решение	25
ГЛАВА 5. Путница	30
ГЛАВА 6. Тропами войны	38
Конец ознакомительного фрагмента.	42

ГЛАВА 1. Замысел

*Я мала была, да горя не было,
Я повьросла, да горя прибыло,
Я куды с того горя деваюся,
Со печалюшки да подеваюся.
"Очелье Сороки"*

ГЛАВА 1. Замысел

Тяжёлая пощёчина опалила щёку, удар пришёлся такой сильный, что голова Даромилы откинулась в сторону, и сама она как пушинка отлетела к стенке, сбивая с полок утварь. Горшки полопались, полилось что-то. Она схватилась за воспалённую щёку, выжидая, когда утихнет звон в голове. Ярополк не позволил продохнуть, приблизился в два шага и схватил за волосы на затылке, вынудил подняться. Даромила скривилась от боли и сжалась, ожидая очередного удара.

- Смотри на меня! - скомандовал муж.

Даромила подчинилась, открыла глаза, зная, что иначе будет хуже. Золотисто-серые глаза Ярополка опалили яростью, лицо исказилось до неузнаваемости.

- Что же выходит, я только за порог, а ты хвостом вертишь! - шипел он гневно. - Для кого подол поднимала, признавайся?!

Даромила замотала головой. Верно муж головой совсем повредился. От жестоких слов и обиды влага заполонила глаза. Да, она и верно выходила вчера на воздух, но кроме чернавок никто не приближался к ней, разве только Богдан, но он просто посадил в седло, не более. И какие злые языки сплели козни?

Не получив никакого ответа от жены, Ярополк стиснул зубы так, что напряглись и посинели жилы на шее, а глаза его потемнели вовсе. Он с силой тряхнул Даромилу.

- Убирайся, шлюха, - прорычал, дёрнув за волосы так, что в глазах у неё от боли потемнело, и поволок супругу в дверь.

Даромила всхлипнула, чувствуя, как волосы рвутся, раздирая кожу, и весь затылок немеет. Она пыталась отмахнуться, высвободиться, и сама не замечала, как слёзы обжигали щёки.

- Пусти! - лишь кричала она.

Ярополк был непреклонен и глух к женским вскрикам, он подтащил её к двери, выволол на лестничную площадку, толкнул. Благо Даромила успела зацепиться за перекладину, уберёгаясь от падения, слетела с порога, где её поймали мягкие объятия Божаны.

- Пошли, - услышала она утешительный голос женщины. - Совсем озверел, - шептала она.

Но Даромила, захлёбываясь слезами, почти вслепую следовала за Божаной, слыша, как доносится сверху грохот посуды и очередное грубое ругательство Ярополка. В какой раз прокляла тот день, когда стала его женой. Уезжая из отчего дома, не знала она, что попадёт к жестокому, лишённому всякой душевной теплоты человеку.

Божана привела в укромное место, подальше с глаз челяди, что высунулась со всех углов на поднявшийся шум. Вот же стыдоба! Женщина бережно усадила её на лавку за стол.

- Посиди маленько, я сейчас, - сказала она, а сама направилась к двери.

- Не уходи! - позвала с отчаянием Даромила, унимая колотившую её дрожь, но страх рос внутри, как ураган. А ну как муж спустится сюда, изобьёт?

- Я быстро, сюда он не зайдёт, пусть только попробует! - пригрозила Божана, смотря куда-то вверх.

Ярополку хрупкая женщина не помеха - кулаком по виску и дух вон.

Божана возвратилась скоро, неся в руках узелок. Она приложила его к скуле Даромилы, морозом обожгло кожу, но стало легче. Плечо потянуло резью, видно, когда падала, повреди-лась. Бедняжка не выдержала и зарыдала, теперь уже громко, кроме Божаны тут её плача никто не услышит.

- Ну, будет тебе, не плачь, - уговаривала женщина. - Чтоб этому окаянному пусто было! Чтоб руки у него отсохли! Паскуда! - ругалась, обнимая девуцу.

Даромила испугалась, что, если прознает Ярополк о таких словах, наставнице несдоб-ровать. А без Божаны Даромила пропадёт. Только ведь этой женщине она могла довериться, выплеснуть все свои горести, более у неё тут нет никого родного, хоть и почитай как год в Оруши живёт. Осознала это в полной мере, и ужас объял девуцу, она прижалась к мягкой тёп-лой груди Божаны, как к матери, что пахла травами и молоком, и зарыдала уже в голос, не в силах и вовсе остановиться, чувствуя жалость к себе же самой.

- Бедная девочка, достался же тебе лютый зверь, такой хрупкой, чистой. Не слушай его, поняла, чтобы ни говорил.

- Видно, проклята я Богами, - вздрогнула Даромила, в груди стиснуло и похолодело. - За что недоля такая? Чего я такого злого сотворила, что навела на себя такой гнев?

- Не говори так! - отстранилась Божана, заглядывая в заплаканные и покрасневшие глаза девушки. - Боги справедливы, будь в том уверена, по заслугам воздадут. Обидчик получит своё.

Наставница всё говорила утешительные слова, но Даромила не слышала её, проваливаясь всё глубже в чёрную яму отчаяния.

- Не могу я так больше... не могу... - выдохнула она, шепча как заклинание. - Сил нет. Что же за жизнь такая будет у нас, если будет распускать руки каждый раз, пока не прибьёт?

Божана сцапала её за плечи, Даромила посмотрела на женщину пустым взглядом.

- Не вздумай что с собой сделать, - заподозрила она бедняжку в чём-то, - и мыслить не смей, поняла! Ты вон какая красивая да ладная, вот и ревнует Ярополк люто. Обожди немного, остепенится ещё.

Даромила смахнула руки с плеч.

- Не остепениться. Матушка сказывала, если один раз ударит, так и поведется зло сры-вать.

Губы Божаны плотно сомкнулись, видно с ответом не нашлась.

- Может... - она погладила молодую девуцу по волосам, заглядывая в лицо, и Даромила на миг растворилась в ярко-голубых, холодных, как зимнее небо, глазах женщины. - Может, вам ребёночка зачать?

Даромила заледенела, уставившись в изумлении на Божану, смысл сказанного посте-пенно дошёл до неё.

- Нет, - отрезала она. - Нет. Не хочу. Не быть тому!

Божана всплеснула руками, досадливо качая головой, прошла к бадье, зачерпнула водицы.

- Так и будешь травиться? Здоровье беречь надо.

Даромилу задушил новый приступ обиды, осознания, что проживёт с этим человеком до самой своей кончины. Она замотала головой в неверии. Хотя знала, как только Ярополк остынет и отойдёт от приступа гнева, всё встанет на свои места. Муж назовёт её ласково, и она растает, забудет нанесённые оскорбления, бранные слова, побои, и даже ей покажется, что всё хорошо. И верно грех за ней, что вытравливает его семя, но детей от него не желает рожать, может так статься, что вскоре Ярополк спохватится и озадачится наследников иметь, тогда возьмёт другую жену, а её в покое оставит. Пусть позор на её голову, пусть боги простят её, но по-иному Даромила не сможет. Надо терпеть, ещё немного, вон отец его весточками заслал, мол, когда ждать наследников, волнуется.

- Попей, - вручила Божана ковш.

Даромила приняла питьё, да только глоток едва могла сделать, зубы так и стучали о деревянную посудину, а сама она ещё всхлипывала. Но понемногу успокоилась, делая глоток за глотком. Теперь, когда спало потрясение, она явственнее ощутила нанесённые мужем увечья: плечо всё больше болело, горела правая щека, а голова трезвонила как набат. Душила и тошнота. Почувствовав, как ей дурнеет с каждым вздохом, она выпила оставшуюся воду, утирая рукавом уста. Прерывисто вздохнув, отставила ковш. Божана беспокойно шарила взглядом по её лицу, будто пыталась угадать, о чём девушка задумалась, и верно ничего утешительного для себя не нашла, но сказать ничего не сказала, лишь тягостно вздохнула и присела рядом за стол.

- Вот, что я мыслю, - начала она. - Напиши весточку сестре Ярополка, позови в Орушь, пусть приезжает погостить. Он поди любит сердечно свою сестру.

Даромила фыркнула. Этот человек не способен на любовь, но верно женщина толково рассуждает. К Искре Ярополк испытывает самые тёплые чувства, на которые способен, но и то Даромила теперь уже подозревает, что это из чувства собственности он так лелеет сестрицу. И толку звать её? Поживёт она в Оруше, потом уедет, и муж снова возьмётся за своё. Божана прочла этот вопрос по глазам Даромилы, продолжила:

- За это время с ней сдружиться, ты и поведай ей о Ярополке, пусть Искра осторожно поговорит с ним, побеседует, может, вразумит советом. Сгладится всё.

Даромила хотела было возразить, что замысел Божаны пустой, но задумалась глубоко. И уже внутри назревал другой замысел.

«Вот и пусть Искра намекнёт о чаде, пусть скажет ему, что Даромила бесплодна, тогда Ярополк спохватится...».

Вслух же ничего не сказала, только кивнула, соглашаясь с Божаной.

Даромила поднялась.

- Пойду, прилягу, голова разболелась, - бросила она, чувствуя опустошение.

Ярополк не станет врываться в её опочивальню. Муж наверняка уже утих. К вечеру, если вновь не уедет, позовёт к вечерней трапезе и будет вести речи, как ни в чём не бывало.

- Может, снадобье сварить? - предложила наставница.

- Не нужно. Я уже успокоилась. Спасибо тебе, - поблагодарила она женщину. - И провожать меня тоже не нужно.

Даромила вышла из полутёмного помещения, оставив наставницу, поплелась в женскую половину терема. Благо никто по пути ей не встретился, и она не увидела брошенные в её сторону сочувственные взгляды, в которых не нуждалась, и от которых в последнее время лишь ещё больше чувствовала свою ничтожность. Пусть и становились челядинцы свидетелями побоев, а вступиться побаивались. Ярополк в гневе, что бушующее море - попади под горячую руку, плетью накажет в десять, а то и в двадцать ударов. Потому и делали вид, что ничего не знают и не слышат. Вот и сейчас разбежались по закуткам.

В спокойствии преодолела она путь к лестнице, ведущей в её опочивальню. Ещё не рассвело, и в глубине терема стояла темень. А ведь проснувшись ныне, Даромила и предположить не могла, что день не заладится и обернётся болью. Её разбудила верная челядинка Полёва, принесла известие, что Ярополк вернулся и ожидает супругу. Она наскоро собралась, успев накинуть распашень, а внутри всё сжалось от недоброго предчувствия, и всё равно ведь пошла, глупая.

Даромила бесшумно скользнула в светёлку, по которой уже разлился утренний, серебристый свет, и которая выстыла за ночь. В полном одиночестве, бездумно вглядывалась в замутненное пузырем окошко.

Острог постепенно просыпался. Слышен был поднимающийся шум: карканье ворон, пение петухов, лай собак, говор челядинцев во дворе.

Полёва куда-то запропастилась. Помощь её больно сейчас нужна. Даромила бессильно опёрлась спиной о дверь, ноги едва держали - такая её взяла тоска, глубокая и холодная нахлынула, как зима. Внутри пусто сделалось, словно в сырой пещере. Прикусила губы, глаза защищало, но она сдержала рыдание. Хоть и горела щека, и раскалывалась, как орех, голова.

- Довольно, - шепнула она дрогнувшим голосом и, отстранившись от двери, прошла неспешно вглубь к столу, опустилась на лавку оставаясь равнодушной к боли.

«Уж не впервой, нечего теперь раскисать», - упрекала она себя.

И хорошо, что Полёва не спешит к ней. Нужно собраться с мыслями да подумать крепко и хорошенько обо всём. И всё больше её занимал замысел, коим не поделилась с родной наставницей Божаной.

«В глухомань уйду, к самым топам, к увягам, вдовицей назовусь перед чужим племенем, но не останусь жить с нелюбимым мужем».

И чем больше об этом думала, тем больше крепчала внутри, будто дитяtko, что, осмелев, делает первые шаги.

«Пристроюсь к семейству ремесленников, работа уж для меня найдётся, молодая, силы ещё есть».

Мелькнула мысль о родичах. Отец, Есислав, верно спохватится о дочке родной, но Даромила отринула напрочь сомнения. Признаваться в том, что муж руку прикладывает - стыдоба для всего княжества Исбора. Ещё и слух пойдёт, что не смогла с мужем ужиться, наладить и сплести с ним узы, непутёвой назовут.

«И что тогда, ходить потом глаза ото всех прятать, коли на родину вернуться?»

Да хуже для Даромилы не было ничего, чем предстать в глазах родичей неудачницей, получить неодобрение отцово - хуже смерти. А ведь он так чаял на этот союз. Всё прахом!

Даромила взяла круглое зеркальце в резной деревянной оправе, втянув в себя воздух, заглянула в него. То, что увидела, не понравилось: глаза, мутные от слёз, были полны боли, да ко всему припухли. Замороженные ягоды Божаны не помогали, и синяк побурел на скуле, что не присыплешь его ни мукой, ни порошком мела - следы побоев заметят. Даромила хотела было отложить зеркало, но вгляделась в него ещё пристальней, чувствуя, как растекается непонятный жар в груди. Застыла, не в силах отвести взгляда от отражения. Божана говорила, что муж так бесится, потому как красивая больно девка ему попала, другие мужчины заглядываются. Сейчас и в самом деле, несмотря на искажённое мукой лицо, красота её ничуть не портилась, влажные зелёные глаза казались ярче, и их обрамляли длинные светлые ресницы, а тёплого медового оттенка волосы и брови делали её лик светлым, что летнее солнышко. Разве могла она знать, что красота её обернётся несчастьем?

Сжав в подрагивающих пальцах зеркало, отложила его и расправила плечи, задумалась ещё глубже. С одной стороны замысел её был хорош. Искра, сама не сознавая того, поможет покинуть Орушь. И Ярополк ни за что не заподозрит во лжи жену. Но с другой, если отошлёт в канун зимнего Солнцеворота, в скрипучий Студень[1], и не захочет оставить ей какого-то наследства, то будет тяжело выстоять в холода.

Даромила на миг остановила ход мыслей. Всё же отошлёт весточку Искре, пусть приезжает, а там будь, что будет, уж как-нибудь уболтает её остаться до весны. И да помогут ей в том Боги...

[1] Студень - декабрь

ГЛАВА 2. Гостиный двор

ГЛАВА 2. Гостиный двор

- С тобой, наверное, что-то такое случилось ужасное. Так молод, а уже седина, - девичьи пальчики поворошили серебристые пряди волос, погладили скулу. Мягкие подушечки прошли по нижней губе.

«А ведь, как хорошо всё началось. К чему эти расспросы?» - со вздохом подумал Пребран, обхватил её запястье и провёл кончиком языка по ямке ладони, чувствуя солоновато-кислый вкус.

Девушка тягуче втянула в себя воздух, блаженно прикрыв пышные ресницы, откинув за плечо блестящие русые пряди, которые так приятно касались кожи.

- Расскажи, - промурлыкала она, не отступая от своего, состроив просящую гримасу.

Она склонилась к самому уху, и мягкие губы коснулись в поцелуе. Её язычок оставил влажную дорожку на шее княжича, от чего, несмотря на то, что недавно в тесной клетушке произошло бурное сношение, новая волна жара прокатилась по телу, напрягая каждый мускул. Пребран повернул голову.

Она лисьим прищуром смотрела из-под густого полога ресниц. Дразнящая улыбка коснулась губ девушки, ещё замутнённые глаза не оправившейся от близости девицы при свете лучин казались золотисто-карими, как янтарный мёд. Он не сдержался и прильнул к её припухшим от ласк губам в долгом чувственном поцелуе. Голова поплыла, а желание взять её снова обострилось до ломоты в паху. Он сдёрнул с девицы тяжёлое одеяло и, подхватив длинноногую чаровницу, которая только и успела ахнуть, опрокинул на живот. С лёгкостью подтянув её к себе, Пребран склонившись, покрыл её спину поцелуями, прокладывая дорожку к мочке уха.

- Нет, не расскажу, - прошептал он, обжигая горячим дыханием вспотевший висок, толкнулся вперёд, проникая в неё глубоко до упора, девушка, не успев приготовиться, задохнулась, ухватившись крепче за края лавки.

Ещё вчера днём он вовсе не предполагал, что остановится на ночлег в гостинном дворе «Белый камень». А тем более не мог предугадать, что к нему в постель придёт одна из сестёр хозяина. Хотя стоило ожидать - весь вечер бросала в сторону княжича многозначительные взгляды, подавая двусмысленные знаки внимания, но в тот миг Пребран был озадачен другим. Долгая поездка затянулась из-за поднявшейся метели. Княжеский отряд не только задержался, но ещё и сбился с пути, сильно уклонившись на север. Хорошо, что поблизости от перехода скальных холмов оказались заселённые земли с небольшим подворьем. А потом, как разъяснил сам хозяин, до княжества Орушь осталось всего пять десятков вёрст. Но теперь дороги заметёт, и боги знают, сколько ещё будет бушевать, если уже за ночь сугробы не поднялись по брюхо лошадям. В ответ его мысли в стены врезался очередной порыв ветра, да так, что натянулся бычий пузырь на окне, и за толстыми стенами поднялся такой шум, что, казалось, настал конец времён. Но Пребран едва обратил на то внимание - шум за окном перебивали сладострастные вскрики девки, что начали срываться с её губ.

Надо отдать должное ей, была выносливой и вовсе ненасытной. Изматывал всю ночь, и уж верно скоро рассвет, а ей хоть бы что. Но если рассудить, в это захоlustье редко кто заезжает из зажиточных купцов, а уже про князей и речи не могло быть. Если бы не стихия, то и он бы не оказался тут. И девица, верно, решила не упустить своё, быстро забралась в его постель. Хоть он, как вышло, того и жаждал, несмотря на то, что изнурительный путь выпил все соки, и княжич думал только об отдыхе. Однако верно не знал своих сил, а девица оказалась уж больно сочной и ко всему миловидной: голубые глаза, русая до пояса коса, тяжёлая грудь,

которая томно вздымалась и опадала при дыхании. Княжич истосковался по горячим ласкам, плутая по заснеженным вершинам уже как почитай месяц. Сжав её полные груди, которые едва помещались в его ладонях, он размеренно скользил, до тех пор, пока не сбилось вконец дыхание, ощущая как разливается по телу блажь, обхватив крепко талию, он резко толкнулся, сдобвив своей жест увесистым шлепком по мягкому месту чуть ниже спины девицы, пыхнул на белой коже розовый след. Грубо смяв бёдра, он как можно глубже проник в лоно, сполна насладившись рвущейся наружу истомой, а когда насытился, отстранился, выплеснув горячее семя на поясницу, выпустил девку. Она, получив своё, всхлипнула и без сил откинулась на постель, распластавшись.

Пребран же поднялся. Укладываться спать рядом с ней не желалось, достаточно пресытился за ночь её обществом. Глянул в мутный пузырь, через которой ничего не разглядеть было, только то, что на улице заметно посветлело. Подняв с захламлиенного вещами сундука кафтан, порылся в складках одежды, выуживая несколько крупных кун, бросил на постель рядом с раскрасневшимся лицом девки. Она приподняла голову и довольно улыбнулась, обнажая ряд ровных зубов, зажала в ладони плату, которой хватит на много месяцев, чтобы больше не утруждаться.

- А теперь уходи.

Веление нисколько не смутило девушку, хотя мимолётная досада всё же мелькнула во взгляде. Присев в постели, она потянулась за платьем. Пребран, взяв трость, поворошил угли в очаге, слыша, как шуршат одежды. Щёлкнул засов двери, но девица, верно, задержалась, Пребран кожей спины ощутил, как она хочет что-то сказать, но княжич не обернулся, вглядываясь в огненные переливы углей. Дверь, наконец, глухо хлопнула, и в тот же миг раздался за ней мужской сдавленный и разъярённый голос.

- Ну что, наблудилась, стыдоба? А ну быстро пошла к печи! Всё утро тебя ищу... - рокотал глухо, стараясь не потревожить постояльцев, хозяин «Белого камня».

Пребран фыркнул - поздно Еруса спохватился. Конечно, сюда он не сунется, а тем более требовать виру - плату за содеянное непотребство - не стал бы, даже если она была бы ему дочерью. Княжич её не звал, пришла сама и далеко не невинна. Ко всему с ним было полдюжины воинов, один воевода Вяшеслав чего стоит. Хотя Пребран до сих пор не мог понять, зачем отец отправил его с ним. Всё ещё не доверял или чего-то опасался?

Оставшись в желанном одиночестве, он ещё некоторое время бездумно смотрел на огонь, потом будто очнувшись, вздрогнул и поднялся. Оглядывая скомкавшуюся постель, Пребран без сил рухнул, веки вдруг стали тяжёлыми, он закрыл глаза. Теперь княжич ощутил себя совершенно опустошённым, пришла и запоздалая изнурительная усталость, но не оттого, что ночь он безудержно мотал девку, а от беспокойных, копошившихся в голове дум. Пребран вдруг припомнил её вопрос и невольно погрузил пятерню в волосы, пронизывая через пальцы поседевшие пряди. И кто её за язык тянул спрашивать, хотя удержаться от любопытства в самом деле весьма сложно, и так терпела до последнего, видно больше перебарывало желание получить награду, потому и держала язык за зубами. Пребран зажмурился, призывая себя хоть немного вздремнуть, всё одно спешить некуда. Но куда там. Мысли одна за другой, как пущенные стрелы, которых уже и не остановить, вонзались в голову. Как бы он ни пытался отгородиться и поставить стену от прошлого, не вышло. Случившееся с ним пять зим назад ранило с новой силой.

Сглотив, потёр шею. Пребывание в лагере степняков сильно подорвало его волю, и терзания из-за собственной трусости и малодушия не давали покоя. Однако посещали уже и не так часто, как поначалу, тогда он совсем не хотел топтать землю и был на грани, надломленный волей, искал забыть во всём, что ему выпадало. Он даже не заметил, как пролетели четыре года жизни у волхва Наволода в Волдаре, не выдернули из тьмы и бесконечные поручения отца по прибытии на родину. И верно эта затея - отправить его в Орушь к князю Ярополку - была

всего лишь одним из способов Вячеслава растормошить сына. Хотя он и так добросовестно всё исполнял, что ему велел правитель. От дум его отвлёк тихий стук в дверь. Вернулся Будята. Пребран хотел было прогнать его, но передумал, пусть приберётся, скоро уже и вставать. Притворившись, что спит, княжич слушал, как юноша тихо собирает разбросанные вещи, раздув пожарче и огнище. Верно после бури мороз будет крепкий, благо терем оказался сложенный на славу, просмолённый, что холоду не пробраться.

Только задремал, как шум внизу разбудил.

Судя по всему, горница гостиного двора «Белый камень» наполнилась народом - поднявшийся внизу гомон да топот множества сапог не дали Пребрану уснуть. Он нехотя поднялся с постели, хмурясь, натянул на себя исподнюю рубаху, велел притихшему у очага Будяте исчезнуть. Тот не стал ждать, когда его попросят дважды, убрался. Пребран подумал, что пора бы парня пристроить. Почитай скоро семнадцать вёсен сравняется: за четыре зимы возмужал, раскинулся в плечах, оброс усами и пусть редкой, но бородкой. В прислужниках бегать уже не пристало, больно неуклюжим становился да неповоротливым.

Подпоясавшись, Пребран накинул на плечи кожух из бурого соболя, потому как внизу явно было холодно от непрерывно хлопающей входной двери, и спустился вниз по скрипучему от времени порогу.

За длинным столом в небольшой горнице уже спозаранок восседал Вяшеслав со Жданом, остальные верно отсыпались ещё. Воевода напоминал каменную глыбу, грозную и необъятную. Еруса, хозяин двора, стоявший, опершись о деревянный столб, чуть в стороне от княжеской братии, в подмётки тому не годился, хотя мужик он с виду был матёрый, и взгляд его холодил свинцом - с таким не пошумишь здесь. Он толковал о чём-то с мужчинами, которые явно забрели не для того, чтобы погреться за чарочкой сбитня или мёда. Поглядывали они на воеводу настороженно.

Значит, слух уже расползся по подворью, что отряд из самого Доловска прибыл в далёкие земли. Стало теперь очевидным, что прохожие вовсе не случайно зашли в ненастье к очагу. Пришли, зная, любопытствовать.

Когда княжич вышел в двери, сразу ощутил на себе тяжёлый взгляд. Еруса хмуро проследил, как Пребран направился к воеводе. Совесть ни на долю не выиграла в парне. Впрочем, она никогда не была частью его нрава, потому, сколько бы Еруса не давил его взглядом, ему было плевать. Тем более, он не настаивал, чтобы родственница хозяина оказалась у него в постели.

Опустившись за стол напротив Вяшеслава и Ждана, Пребран подхватил чарку, опрокинул в себя. Терпкий, чуть с остринкой, сбитень вмиг согрел нутро, и кровь разлилась по телу приятным жаром.

Не успел он осушить чашу, как под нос ему подставили запечённую осетрину. Княжич поднял голову и утонул в янтарных глазах девушки, которая ещё недавно выпрыгнула из его постели. Она ещё верно не успела остыть. Девушка легонько улыбнулась. За несколько мгновений в воображении представилось откровенное непотребство. Новый прилив сил застал княжича врасплох. Точно, колдунья. Пребран подавил острое желание подхватить её и вернуться с ней обратно наверх. Может, и в самом деле метель поднялась кстати...

Его мысли перебил нарочитый кашель Вяшеслава. Девушка вздрогнула и, развернувшись, пошла прочь. У входа её уже перехватил гневный взгляд Ерусы. Сбросив напряжение, хозяин продолжил тихо толковать чём-то с постояльцами.

- Похоже, здесь оставаться надолго нельзя, - разрядил обстановку воевода, уж верно догадываясь, что к чему.

Пребран фыркнул. Хорошо, что князь Вячеслав не отправил с ним Избора. Тот ведь до сих пор смотрит на него косо. Всё из-за той выходки, когда княжич пытался сбежать из детинца. Много зим уж прошло, а Избор всё держит зло, не простил. Хоть Пребран и был сейчас другим в чём-то, а в чём-то...

Он с иронией глянул в сторону девушки, что выглядывала из-за спины Ерусы, подмигнул, досадуя на то, что меж ними столбом стоял хозяин постоянного двора и пара столов, снова отвернулся. Да, в чём-то не изменился вовсе.

Пребран придвинул к себе чашу с рыбиной. Изголодался он за время пути основательно, и не только по женщинам, но и по вкусной еде, с вяленого мяса уже нутро всё сворачивалось. Княжич положил в рот кусок отщеплённой мякоти, обжигая язык, стал с жадностью пережевывать. Мясо во рту таяло само. Пребран сдобрил вкус кислой брагой, испытывая истинное наслаждение.

- Что будем делать? - спросил Ждан, разбавляя тишину. - Может, всё же ещё одну ночьку перекантуемся как-нибудь?

Он был ещё молодой, но выслуживший у князя доверие мужчина с рыжими, как рябина, волосами и такими же усами и бородой, что делали его облик ярким, и среди белого снега он напоминал всполох костра.

- Дороги замело, пройти невозможно.

Пребран оглянулся, и снова в него врезался потемневший взгляд Ерусы.

- Нет, - ответил твёрдо княжич.

Из двух бед выбирают меньшую. Ему самому не хотелось застревать в лесу в сугробах да ночевать на морозе, но оставаться на постоялом дворе становилось опасно.

- Деревень поблизости много. Найдём ночлег в другом месте.

- Это верно, - подхватил Вяшеслав слова Пребрана. - По глупости быть отравленным Ерусой не хочется, а тот явно точит ножи, - добавил воевода вполголоса, а потом, не таясь, хохотнул, бросая взгляды на хозяина двора.

Ждан верно сначала не понял, к чему это он, но, подняв взгляд на покрасневшую девку, что жалась к прилавку, верно услышав их разговор, тоже захохотал, привлекая внимание и других постояльцев.

- Обеда ждать не будем, выдвигаемся прямо сейчас, - сухо сказал Пребран, отодвигая чашу с недоеденной пищей.

Вспомнил ночь с блудницей, и нечаянно перед его внутренним взором возникла та, о которой он предпочёл бы никогда не вспоминать. Когда-то он точно так же посмеялся, потом пришлось горько сожалеть.

Тяжело вздохнув и перестав пережёвывать пищу, которая в раз стала безвкусной, Пребран помрачнел. Нутро скрутило до тошноты. Если бы можно было выдрать её из памяти, то он бы сделал это. Освободиться от всего того, что с ним случилось почти пять зим назад, от всех унижений, которые испытал на собственной шкуре, от неудач, что подрывали волю, настигая в самое неподходящее время. Стоило ему найти хотя бы какую-то опору и пустить молодые побеги, все тяготы злого прошлого обрушивались на него и сламывали, открывая старые раны. Сделалось гадко на душе, а рвущаяся наружу злость ядом разъедала нутро, едва ли не вынудив выскочить из-за стола. Впрочем, ещё никогда не случалось того, чтобы при воспоминании о травнице Пребран оставался холоден. Его всегда будет вот так скручивать, что хоть на стену лезь, а в груди будет разливаться такая пустота, от которой хочется выть.

Неожиданно распахнулась дверь. В помещение хлынула на миг стужа, прокатываясь по ногам, серебристый пух влетел в горницу вместе с пришлыми. Двое мужей, срывая шапки с голов, отряхивая себя от снега, прошли вглубь, расселись за другой стол по лавкам. Уже вскоре заметили княжескую свиту.

Смотрел сначала один, седой, с глубокими глазницами, потом закрутил головой и другой, мужик помоложе, зим так сорока, с густой бородой и тёмными, как дёготь, волосами.

Они перестали таращиться, когда вышла к ним девка, неся в руках крынку питья.

Пребран поднялся, не находя смысла больше оставаться здесь. Одевшись в кожух, застегнул на груди петли.

- Остальных поднимайте. Жду на улице, - вышел из-за стола и, ощущая втыкающиеся в спину пристальные взгляды, покинул горницу.

Спустился по длинной лестнице крытого тесаными досками крыльца. Привыкая после тёмного помещения к яркому белому свету, прищурился, скользнув взглядом по заснеженным туманным далям и едва приметным постройкам. За несколько саженей не было видно ничего, всё скрывала стена сыпавшего с неба снега. Белые пушистые хлопья нескончаемым потоком опадали на землю, укрывая поля, леса и реки. Вдыхая студёный воздух, Пребран ощутил, как кипучая река покрывается льдом холодного равнодушия, вновь впадая в спячку, и былой злости как и не бывало.

Мороз жёг кожу, не давая долго стоять на месте. Пребран спустился во двор. На ресницы и голову быстро налипли хлопья. Он постоял несколько мгновений в тишине, пока к нему не вышел Будята. Княжич наказал прислужнику собирать вещи в дорогу. Натянул на голову меховую шапку, которую вручил ему Будята, и решил пойти сразу к конюшням, но на крыльцо вдруг вышли постояльцы. Всё так же с подозрением смотрели в сторону княжича и о чём-то тихо беседовали. Внутри росла тревога. Неспроста всё. И будет лучше как можно быстрее убраться с этого места.

Подняв ворот кожуха, княжич напрямик направился к постройкам.

У скотного двора никого не было, да и пройти ко входу не так-то просто оказалось, дорожку замело по колено. Пришлось брать деревянную лопату и расчищать снег. Пребран откровенно клял Ерусу на чём свет стоит, что тот не сподобился позаботиться о своих гостях и заранее расчистить дорогу. Ругал и Будяту, своего сподручного, который задерживался и казать нос на мороз не спешил. Бросив ждать подмогу, Пребран счистил снег с прохода, перекидав его за плетень. Справившись, он изрядно вспотел в жарком кожухе, смог, наконец, войти внутрь конюшни. Стоило шагнуть через порог, в нос пахнуло душным спёртым воздухом с запахом соломы, конского навоза и пота. За перекладинами, фыркая и пережёвывая сено, стояли шесть мастистых скакунов дружинников, и более ничьих лошадей не было. Подобрал с бочки краюху хлеба, княжич приблизился к своему жеребцу, скормил ему хлеб.

- Осталось немного нам топать, - успокаивал он скорее себя.

«Немного, если вновь не заплутаем».

В конюшню нырнул отрок в длинном тулупе явно не по размеру и в шапке меховой. Поморгав испуганно, кинулся хлопотать, навёрстывая упущенное, пока его не выпороли. Княжич к себе его не подпустил, сам подобрал сбрую, принялся взнуздывать. Отрок был и рад тому, молча занялся другими, стараясь не попадаться на глаза.

Грудной и могучий голос Вяшеслава раздался во дворе, когда уже кони были готовы к дороге. Водрузившись в седла, мужчины поспешили покинуть выселки. Провожать их, знамо дело, никто не вышел. Может, оно и лучше. Да и вообще никого не было на дворе, ушли и мужики с крыльца.

«Что за дикое место и люди дикие?» - с брезгливостью фыркнул княжич, припоминая, чего наслышан о племени увягов. Раньше, тут князь сидел, но местные волхвы и жрецы изжили его, изъявив волю быть сами себе хозяевами. Конечно, в этой деревеньке должен быть староста, и княжич имел право высказать обиду за неподобающее отношение, но потом, подумав хорошенько, понял, что, скорее всего, правды не добьётся, и как бы его не изжили вместе с дружиной. А подмоги ждать не от кого, ближайшее княжество - Орушь, и то, по всей видимости, не шибко раздольное. Потому лучше потерпеть. Голова ему ещё нужна. По крайней мере, до того времени, как исполнит волю отца.

Сворачивая на заметённую снегом главную дорогу, всадники, беря чуть южнее к раздолью, пустили коней. В бег - не вышло, снега было, слава богам, хоть и не по брюхо, но по колено лошадям, потому всё одно замедлял ход. Вдалеке на пять вёрст в округе сквозь белую пургу видны были только тусклые тени кустарников, да очертания леса. Отряд неспешно вышел за

околицу невеликой деревеньки, двинулся вдоль промоины. Реку сковало льдом едва ли не в локоть толщиной.

- Через лес поедem, - объявил Вяшеслав, оборачиваясь на дружину.

Никто не стал ему возражать. Пусть по льду и сподручнее, и быстрее, но совершенно не безопасно, а они явно нажили себе недругов. А ну как вздумает отплатить Еруса за попорченную девку, да в погоню бросится? Хотя в такую пургу даже молодой голодный зверь не сунет носа из логова. Но чем бес не шутит, лучше лишний раз побережься. По лесу оно всё спокойнее, да и мороз там не такой крепкий, и ветра меньше.

Сойдя с дороги и спустившись с пригорка, кони утонули по брюхо. С трудом пробрались к опушке, плывя в сугробах, бороздя, что плугами, снег. Когда добрались до стройных молодых рыжебрюхих сосенок, идти животным стало посвободней.

В чаще дорога разыскалась быстро, видно накатанная местными. Вяшеслав, сбрасывая с плеч снег, поравнялся с Пребраном, с подозрительным интересом поглядел на княжича.

- Коли говорить желаешь, воевода, то говори, - не выдержал Пребран давящего взгляда хоть и грозного с виду да шумливого, но доброго в душе мужа.

В этом княжич за время пути убедился: то сторожить сам назовётся на всю ночь, позволяя другим выспаться, давая отдыхать молодым дружинникам, то еду последнюю отдаст, то шкурой меховой поделится в крепкий мороз.

- Зачем Вяшеслав нас в такую даль послал? Знамо дело по важному поручению, только по какому - не сказывал, - пробасил воевода.

Пребран обратил на него неверящий взор, искренне дивясь, что отец скрыл свои побуждения перед верным ему человеком. Можно сказать, приближенным к самому сердцу.

- Я думал, он оповестил тебя.

- Нет, - покачал тот головой, надвигая шапку на глаза, - ничего он не говорил. И даже не могу догадаться, что нужно ему в землях уягов.

Пребран хмыкнул, мысленно обращаясь к весточке, что была подшита во внутренних складках кафтана. Вот только что в той весточке, он тоже не знал. Да и сам не интересовался, а теперь будто прожигала кожу.

Подоспел и Ждан, верно прислушавшись к разговору, видать тоже пробрало любопытство.

- Я тоже не знаю. Отец мне не говорил, - признался Пребран.

Вяшеслав даже хохотнул басистым голосом, с недоверчивостью взглянул на княжича, прищутив правый глаз. Запорошенная борода и усы почти скрывали его лицо.

- Богами клянусь, не знаю, - коснулся Пребран ладонью груди, и добавил: - Надеюсь, после этого послания головы нам не открутят. Может, Вяшеслав избавиться от меня решил, - пошутил он в довесок, да видно зря, Вяшеслав хмуро приподнял бровь.

Князь Вяшеслав провожал сына немногословно, правда упредил, чтобы не осрамил тот его перед князем Ярополком, да посдержаннее себя вёл, борзость чтоб свою засунул куда подальше.

- Друже, - вмешался Ждан, напряженно водя глазами по лесу. - Кажется... засада.

Пребран мгновенно ухватился за ледяную даже через рукавицу рукоять меча, тоже вгляделся в кущи леса, запорошенные снегом, который, набившись в кронах, глухо и бесшумно опадал. Он нутром почуял, что здесь они не одни. Все же Еруса решил отомстить.

- Вот суки, - выругался тихо он.

Среди зарослей тенью мелькнул кто-то.

Сначала показались двое. Пребран узнал в них сразу тех двоих, которые зашли в постоянный двор чуть позже, а потом стерегли его на крыльце. Тут-то стало и понятным, что явились не справедливость чинить, а грабить. Да и верно девка та подслана была для отвода глаз, понял он. Следом, не видя более смысла таиться, вышли ещё пятеро. Семеро татей для полдюжины

опытных воинов - на один зуб. Смелая затея, но глупая. Напряженно оглядывали друг друга, в воздухе повисло ожидание. Кто же первым нападёт? Потому как не верилось, что миром всё обойдётся. По крайней мере, Пребран не собирался так просто позволить гнидам обчистить себя.

Княжич поднял глаза, вглядываясь в межи заснеженных деревьев, вслушиваясь в глухую тишину, которую изредка разбавлял скрип стволов. Первая пущенная стрела свистнула возле виска.

Пребран мгновенно прыгнул с седла в снег, выдёргивая из ножен клинок, тут же к нему подступил тать, и едва он замахнулся тесаком, как был пронизан насквозь в плечо. Мужик всхрипнул, повалился в белоснежную перину уже навечно. Началась немая толкотня, кони, чуя запах пролитой крови, всколыхнулись, бестолково топчась на месте. Вяшеслав принял на себя сразу двоих. И только тут княжич выхватил взглядом метившего в воеводу ножом юнца. Одним рывком Пребран выхватил тесак с седельного закрепа, метнул в татя и попал точно в череп. Все навыки, что были усвоены в юношестве, работали с завидным постоянством, да и после приезда в Доловск воинская подготовка не прошла даром. Вяшеслав обернулся, душегуб уже опрокинулся в еловые ветки.

Более Пребран не мог проследить за той резнёй, что началась кругом - как бы самому не стать мишенью чьего-то ножа. Грабители, будь они неладны, наступали со всех сторон. Верно, вся деревня собралась, что обчистить княжескую дружину?

Вспомнив о помощнике, княжич отыскал взглядом Будяту. Парень прилип к стволу сосны, прижимая сумку к груди. Оружия путёвого, ясное дело, ему никто носить не позволял, а хозяйский нож сгодится только хлеб кромсать. Олух, даже не додумался спрятаться в лесу, таранился на бойню во все глаза. Его быстро заметили.

- Беги! - крикнул ему Пребран, хоть тот уже приготовился отбиваться.

Будет его время сражаться, когда получит меч и пройдёт посвящение, а сейчас можно и удрать, помощь его Пребрану ещё нужна.

Княжич в два шага настиг того головореза, который было пустился в погоню за юнцом.

- Эй, - присвистнул он, и мужик, резко обернувшись, сплюнул, отпуская лёгкую наживу, пошёл на Пребрана.

Бугай грудью, что сохой, надвигался медленно, щеря желтоватые зубы, сжимая в мосластом кулаке топор. Лицо его было багровое и обветренное, русая борода светилась плешинами, в глазах горело дикое буйство, и ничего человеческого в них не было. Пребран глянул в сторону зарослей - Будяты уже и след простыл. Вернул взгляд на татя, перехватывая покрепче рукоять, сделал ложную попытку отступить, позволив грабителю оттеснить его от дороги. Сильный победит одного, знающий - тысячу. Вспомнил слова Наволода.

Добра с собой был много, а потому следовало ожидать, что в чужих землях настигнет их напасть. Помимо одежды, оружия да лошадей было и золото. Неужели приняли их за торгашей? Вспыхнуло желание вернуться и спалить «Белый камень» да Ерусу вместе со всеми его заговорщиками.

- Что же ты, гнида, надумал на чужое позариться? - Пребран ещё раз окинул его взглядом, оценивая силы.

Хоть тот и был здоров и необъятен, как мерин, да много лишнего жира, обрюзгшие, мясистые щёки не говорили о его сноровке. Громила, резко втянув через крупные ноздри воздух, напал первым, тяжело обрушив на Пребрана топор. Княжич увернулся, вспорхнуло лезвие клинка и напоролось на подстеленный татем обух.

Отдача пронизала локоть болью, меч не раскололся, хорошо.

- Может, сам всё отдашь, зато шкура останется целая? - прохрипел простуженным голосом тать.

На подобную насмешку княжич ответил холодной ухмылкой. За дебрями доносился лязг оружия, глухое рычание, вскрики не понятно чьи - верно всё наступали враги. А достать такого быка - придётся попотеть. В коже жарко стало, на спине проступил пот, но это только хорошо, кровь забурлила, разгорячая тело, рождая гнев.

Следующий сокрушительный удар выбил всё же клинок из рук Пребрана, и, не давая никакого продыха, тать развернулся, замахиваясь вновь, чтобы, наконец, проломить голову, как тыкву. Тело отозвалось мгновенно, не давая и доли мига на раздумье и страх. Княжич увернулся, лезвие всё же зацепило, прочертив по виску. Топор на удачу княжича вонзился в ствол дерева. Пользуясь заминкой, покуда душегуб пытался выдернуть оружие, словно только и было его спасение в нём, Пребран, войдя в свои силы, с разлёту ударился всем весом о татя, сбив громилу с ног, снова радуясь тому, что за годы и сам окреп будь здоров. Пару раз кулак его попал по кости скулы и в челюсть, грабитель дёрнулся, пытаясь скинуть с себя груз, да не вышло. Пребран надавил локтем на кадык, и тать задохнулся, всё глубже вдавливаясь в снег. И когда шея вот-вот должна была хрустнуть под напором, гнида всё же извернулся, стукнув чем-то по голове, от чего разом всё помутнело и зазвенело в ушах. Душегуб опрокинул княжича одним махом, но Пребран потянул его за грудки:

- Стой, сука.

Ткань треснула, но княжич ни на долю не ослабил хватку, хоть тот и бил что есть мочи по голове, попадая то в висок, то куда-то в ухо - ослеплённый гневом Пребран ничего не чувствовал. Быть может, потом, но не сейчас. Оставаясь холодным к ударам, княжич потянул паскуду на себя и, не почувствовав опоры, вместе с ним покатился кубарем с крутого склона. Но даже тогда не выпускал его.

Снег налипал на лицо, забивая дыхание, и всё перемешалось, превратилось в белую холодную кашу. Пребран лишь чувствовал удары о попадавшие на пути камни, и благо толстая одёжка и сугробы смягчали ушибы, от которых хоть и целы были рёбра, но дыхание выбивало напрочь. Но не успел княжич очнуться, как сверху на него рухнул душегуб. Гневно рыча, ударил в правый бок, да так, что в глазах посыпались серебристые искры. Тать, сдавив двумя руками горло. Лёгкие загорелись, и желание глотнуть воздуха оглушило. Пребран протянул руку, нащупав пальцами в сапоге у лодыжки припрятанную холодную сталь, выдернув нож, вонзил в толстую шею. Мужик дёрнулся, но глаза его стремительно стекленели, умерла в них злоба. Изо рта и носа потекла по бороде кровь. Княжич, высвободившись из ослабевшего плена, оттолкнул громадину. Сам повалился на бок, надолго закашлявшись, хватая ртом воздух. Отдышавшись как следует, он пошевелился и тут же скривился от боли, ощущая, как правый бок нестерпимо обожгло болью.

- Зараза.

Опершись о твердь, Пребран, раскачиваясь, усилием воли поднялся сначала на колено, а потом на ноги, качнулся, непроизвольно хватаясь за ушибленное место. Тупая боль опоясывала, давила на лёгкие, будто в груди у него лежал булыжник.

Он опустил взгляд и выругался, увидев расплзающиеся пятна багровой крови вокруг убитого татя.

- Вот и награбили, - сплюнул он.

Закостенелыми озябшими пальцами загрёб снег, утирая лицо и кровь, что текла носом, обращая снег в алый, как сок клюквы, цвет, и мгновенно смерзлась.

Пребран разогнулся, оглядывая лошину, куда они свалились. Выбрав место почище, опираясь на деревья, кое-как взобрался по склону. Найдя свой меч и топор, подобрал.

ГЛАВА 3. Острог

ГЛАВА 3. Острог

Пока он добирался до места разбоя, тут уже считали потери. Пребран с размаху всадил топор в дерево и, вложив в ножны меч, присоединился к воеводе. Вяшеслав, заметив княжича, даже в лице переменялся, так рад был его видеть, пусть и не совсем в здравии, но живым.

- Вот будет чем поживиться лесному зверю, - сказал кто-то из мужчин, подбирая оружие среди распластавшихся на снегу татей.

Проявлять брезгливость к лишнему оружию никто не стал, да и надо сказать, то было добротное, чего оставлять. Подобрали всё. По-хорошему, сжечь бы разбойников, но в такой мороз и метель займёт это не меньше как полдня. Да и вдруг кто-то ещё из местных выйдет на дым, уж тогда им точно живыми отсюда не выйти, вся деревня нагрянет, заколют кольями. К счастью, убитых среди своих не оказалось ни одного, и слава Перуну. С ним князь отправил самых лучших. Вот только покололи изрядно. Хорошо бы залатать раны, да не стали рисковать, наспех водрузились в седла. Пребран, всунув ногу в стремя, подтянулся, едва смог подняться на коня, забыв о дыхании. Тронулись с места быстро, и только тут княжич вспомнил о прислужнике.

- Твою же мать... - он не договорил, выискивая взглядом Будяту, крутя головой в поисках парня.

Вяшеслав сразу понял, кого потерял княжич.

- И куда же этого дурня занесло?

- Заплутает, да и замёрзнет в лесу, - заключил Ждан.

- И что же теперь делать?

- Семеро одного не ждут.

- Буря поутихла, следы наши ещё до вечера останутся. Может, нагонит?

Пребран с гневом посмотрел на Ждана. Да только деваться было некуда, ждать одного, рискуя головами полудюжины, безрассудно. Пребран в последний раз огляделся, в надежде отыскать в неприступной крепости отрока, но тот так и не вышел на глаза. Хорошо, что восточку князя тому не доверил, тогда бы вся затея похода насмарку, тогда бы зря проделали такой путь, едва не положив головы.

Отъехав на достаточно много сажений, отряд погрузился в гущу леса. Тут уж буря совсем поутихла, и тишина стояла такая, что звенело в ушах. Впрочем, это оглушала головная боль, что истязала княжича с того мига, как они отъехали от места разбоя. Выбрав место для постоя поудобней да посподручней, под разлапистыми елями, дружинники попрыгали с лошадей, принались тут же вытапывать снег.

Пребран огляделся в надежде увидеть отставшего Будяту, да тот будто сгинул. Княжич выбрал в лёгкие морозного воздуха, поднатужился, чтобы претерпеть боль, в боку спрыгнул с мерина. Кто-то уже нарубил еловых ветвей для подстилки, другие стаскивали хворост, ломая сухие сучья осин поблизости. Ждан уже запаливал кресалом сложенный споро костерок. Вяшеслав, косясь на княжича, стаскивал вещи, верно подозревал что с тем не совсем ладно. Пребран, чтобы не быть в стороне, привязал лошадей, всыпав в торбу каждому ячменя.

- Дурень, и куда запропастился? - пропыхтел Ждан, верно тоже переживая за мальчишку.

Воевода подсел к костру, подвешивая на рогатины чугунок со снегом.

Пребран, вытащив кошму и медвежью шкуру, бросил на еловые ветви. Сам прошёл к кострищу, подсел к воеводе на выстеленную им подстилку. Тепло от костра ласкало лицо и руки, что совсем задеревенели от проделанной работы.

- Жаль, толковый был малый, - Ждан, сбросил рукавицы и подтягивая подол налатника, присел на корточки к огню.

Пребран нахмурился. Повёл плечами, чувствуя в том свою вину. Помолчали, каждый думая о своём.

- Спасибо, - вдруг произнёс простуженным голосом Вяшеслав, обращая посерьезневший взор на княжича.

Ждан и другие мужи удивлённо перевели на него взоры.

- За что? - буркнул Пребран.

- Ты же мне вроде как жизнь спас.

Княжич нахмурился сильнее, припоминая сей миг, и вспомнил парня, что первым напал на воеводу, и который тут же рухнул в снег с раскроенным черепом. Вот только теперь вспоминать о том не хотелось, разом поплохело.

- Сегодня - я тебя, завтра - ты меня, вот так и вся жизнь складывается, что обязаны мы друг другу помогать и не бросать в беде.

Вяшеслав помолчал, обдумывая сказанное, и вдруг хмыкнул в усы.

- Верно ты говоришь... - посмотрел задумчиво в костёр, а потом выпрямился, опершись широкими ладонями на колени, гаркнул оборачиваясь: - Ну, Никрас, где медовуха? Наливай! Сегодня мы вроде как живы остались, чем не праздник!

Пребран усмехнулся.

Лёд в корчаге растопился, забурился. Пока Никрас наливал в воловий рог медовуху, Ждан насыпал порубленного на куски вяленого мяса в кипящую воду, не забыв сыпнуть горсть сушёного укропа. Остальные перевязывали друг другу нанесённые татями порезы и раны, что были не такими существенными, завтра уже и не вспомнят.

Пребран, как его ни скручивала боль, раздеваться не стал, посчитав себя не раненым. От пряного запаха съестного свело нутро, что княжич и забыл о боли, изъедавшей тело. А на морозе особо захотелось горячего, закутаться в шкуры и лечь поближе к костру да заснуть крепким сном. Зима всегда приносит суровые испытания. Хозяйка стужи не упустит живого тепла, вон ныне попирует душами да тёплой кровью, что осталась на белом снегу ярким узором.

Похлёбка оказалась вкусна, мужи только и знай языки жгли, уплетая снесь, от которой внутри постепенно разливалось тяжёлое тепло. Разморилось тело.

Стемнело быстро.

В Студень ночь всегда наступала стремительно. Ждан напоследок подкинул в костёр срубленных толстых сучьев. Запахло еловой смолой, запылало так, что даже и жарко стало, но никто не отодвинулся, накапливая желанное тепло про запас. Вяшеслав вновь вызвался караулить, с ним назвался и Ждан, видно в такой мороз не хотел укладываться. Поутру мороз жгуче крепнет, и будет вовсе немоготу вылезать из-под шкур. Из-за скручивающий боли и княжичу не хотелось укладываться, но лучше поскорее забыться сном. А завтра, быть может, набредут на деревеньку. Там и позаботится о себе. Однако стоило прилечь, покоя без движения ему не было - мышцы на боку набухли, невыносимо тянули, раскалённым камнем давило на рёбра. Княжич дышал туго, и жилы на шее натягивались верёвками.

Вяшеслав тихо переговаривался со Жданом. И из его воспалённых губ теперь вырывался сип. Воевода не забывал об обещанном князю догляде, изредка бросал на княжеского сына беспокойный взгляд. Пообещал ведь Вячеславу сберечь, вот и волнуется. Княжич накрылся почти с головой. Чувствуя, как жаровые волны стихают. Ещё долго маялся плескавшейся железом тяжестью, но ночь утонула в безмолвную свою глубь, показывая полупрозрачные, светящиеся внутренним светом образы, в которых он не смог различить, что принадлежали они девушке с голубыми, как омуты, глазами, он просто знал, что ему до неё больше никогда не дотянуться.

Разбудили голоса дружинников, что один за другим стали пробуждаться. Откинул меховой полог, с шерсти в лицо плеснул снег, который посыпался за шиворот, мгновенно пробуж-

дая. Ещё только светало, в скованном морозом воздухе застывало дыхание, окатывая лицо клубами пара. Пребран пошевелился, но куда там, бок пронзила колом, что он забыл, как и дышать. Кое-как раскачавшись, он всё же выбрался из укрытия, смог и скрутить постель, и присесть в общий круг, где уже за скоро вновь сворили похлёбку, на этот раз из жёлтой крупы. Бури ныне не предвиделось, и день обещал быть хоть и морозным, но ясным.

- Никто не погнался за нами, - сказал Ждан, пряча деревянную ложку за пояс.

- И Будяты нет, - прохрипел Вяшеслав, здоровый крепкий мужчина, а простуда и его схватила за горло.

- Отрок заплутал, повезёт, если найдёт пристанище, хотя где, в глухом-то лесу.

- Слышал из разговора хозяина постоянного двора, что увяги по всей окрестности расселились, может, и набредём к обеду на какую-нибудь деревеньку.

- Хватило нам гостеприимства, похоже, народец этот с совестью совсем не в ладах, раз осмеливаются нападать.

- Дальше земли вяжичей, вот там народ дикий, говорят, старших князей нет у них, а кто сидит в острогах - воюет с соседскими племенами, нет у них мира.

- А соседние племена тоже вольные? - не удержался Пребран, отпивая травяного отвара.

- Дальше за Орушью сурмяне расселились, тоже своенравный народ.

- Ухо остро нужно держать, - воткнул топорище в сугроб Ждан.

Пребран вновь отпил, ненароком подумав о том, с каким же поручением послал его Вяшеслав. Захотелось даже вспороть ткань и прочесть его весточку, но быстро выкинул эту затею из себя, пусть князь, что хочет, делает, ему плевать.

Мужчины переговаривались уже о другом, когда Пребран вынырнул из задумчивости. Собравшись в путь, водрузив сумы и скрутки с вещами, засыпав кострище снегом, продолжили путь.

Небо уже к тому времени окрасилось в пурпур, а лес светлел, хотя тепла и ни на долю не ощущалось. Пальцы в овчинных рукавицах деревенели, становилась колом верхняя одежда и накидки, покрываясь белым инеем. Как и предсказывал Вяшеслав, снежный лес начал редеть, проклёвывалось среди тяжёлых ветвей солнце на чистом от облаков синем небе. Сияющая белизна слепила глаза, что те слезились. Она выжгла все запахи, покрыв колючими пластинами инея ветви. Трещал снег под копытами, и разливалась такая благодатная тишина, что в сон клонило. Ко всему солнце пригревало, но стоило зайти в тень, как тут же мороз обжигал кожу. Через десяток-другой саженей путники выехали на лесистый мыс, что врезался в покатый холм, на котором и возвышался, как на острове, острог с глубоким рвом и высоким тыном. Постройки с крутыми покатами кровлями, высокими стенами и маленькими оконцами, покрытые снежными шапками, просели в сугробах. Прошедшая буря заволокла вокруг частокола плетни, дорожки. И никто их верно не собирался чистить, и тут же Пребран заметил, что только в нескольких низеньких избах из печных дымоходов валили белые клубы, а по приближении стало видно, что некоторые дворы опустели, были раскрыты створки хлевов, перевёрнуты телеги, разбросана утварь. И по всему было видно, что такое бесчинство учинила не недавняя буря, а человеком сделан этот разгром, уцелевшие не успели разгрести всё. Остальные тоже заметили неладное, но молча понукали лошадей, пуская животных вперёд - на месте и выяснят. И всё же осторожничали, выискивая взглядами по избам и шерещающемуся прорехами частоколу, не притаился ли кто со стрелой, не тянет ли тетиву. Тишина властвовала в околище.

Ясное дело, встречать их вышли не с хлебом и с солью, а с топорами и кое-какими булавами. Вышли старшие рода, кои тут проживали и уцелели. Вперёд к ним выехал Пребран, оставляя своих людей у межи дороги.

- Здоровы будьте, мирные люди, - приветствовал княжич самого старшего мужчину, было ему так к сорока. Одет он был в серый суконный тулуп до колен, изношенный, не новый, вымазанный в саже, и нараспашку. Из-под меховой шапки за ворот падали русые кудри. Из-под

густых бровей колол суровый острый взгляд тёмных, как ночь, глаз. Скребнул по чужеземцу угрожающе.

- Что ищете в наших краях? - спросил он вместо приветствия.

Пребран оглядел других мужчин, что вышли вместе со старшим, такие же крепкие, но потрёпанные, и оставался ещё на их лицах след ярости от недавней битвы.

- Вижу, горе случилось на вашей земле, - начал Пребран, заметив краем глаза, что Вяшеслав приблизился всё же. - Мы зла никому не желаем и бесчинство совершать не намерены, клянусь перед ликами богов, повернулся и к истуканам. Идём из городища Доловск, может, слышали, князь Вячеслав там правит.

Лицо старшего некоторое время не менялось, взгляд его недружелюбный скользил от одного воина к другому, топориче, что сжимал он с натугой, опустилось чуть, плечи расправились.

- Коли так, слыхивал я о таком.

- Кто напал на вас?

- А кто их, сукиных сынов, знает. Ночью, твари, нахлынули, перевернули всё вверх дном, хорошо, что избы не подожгли, а какие занялись, те мы успели потушить. Жизни им наши не нужны были, а вот добром поживились и девок много увели.

Пребран поднял взор, поймав взглядом женские фигуры, что повысовывались из дверей на крыльцах, закутанные в платки, да головы светловолосых подлетков.

- Проезжайте, - отступил старший, пропуская всадников.

В остроге был куда сильнее замечен разгром, следы пожарищ и урон, нанесённый разбойниками. Подчищены хозяйские клетки, а стойла пусты, как и хлева.

Промёрзший дощатый настил двора трещал под массивными копытами коней, но выдержал. Дружина въехала в острог, когда солнце уже приблизилось к полудню, скоро и темнеть начнёт. На улицу повыскакивали мальчишки подсобить путникам. Пребран сжал зубы и, перебивая боль, спешил, да так ловко, что и не скажешь со стороны, что тяготит его рана. Отроки, забирая животных, уводя в пустующие стойла, отыскивали на чердаках и сено. Поднялся с порога в рыжей шубе пёс, было твякнул, но женщина, по всему хозяйка двурусного терема, быстро осадил зверя, прикрикнув.

Старший острога в избу к себе не пригласил гостей, а повёл в другой дом. Такой же добротный, как и тот высокий терем, с массивными стенами и рвом, вдоль которого стелились постройки. В тёплую горницу с узкими окнами, запуская студёный пар, вошли всей гурьбой - всем хотелось поскорее в тепло. Ближники старшего тоже не отставали, обступили, желая послушать, что за нужда такая привела путников из городища дальнего.

- Меня Радимом зовут, а это ближники мои Повис и Расцел, - представил он мужчин.

Те смотрели прямо, так же, с недоверием, и нужно называться.

- Я старший сын князя Вячеслава Пребран.

Радим сначала было нахмурился.

- Это, - указал княжич на Вяшеслава, - старший воевода Вяшеслав. Ждан, Некрас и остальные верные мне люди, за каждого из них я ручаюсь. Еду с поручением от отца в Орушь к князю Яроплку. Метель нас настигла, потому остановились на постоялом дворе «Белый камень», - Пребран замолк, подумав о том, стоит ли рассказывать, что разбойники со вспоротыми телами остались лежать на снегу. Как бы не озлобились, вдруг у местных кто из родичей с этого селения, живут ведь почитай рядом. - Давно у вас тут так непокойно?

Радим выдохнул, переводя дух.

- Проходите, - всполошился. - А то, что же, на пороге так и будете толковать?

Он кивнул Расцелу, и тот отступил, скрылся в дверях.

Мужчины расселись за длинным узким столом, место нашлось всем.

- Пока вам подготовят места для ночлега, посидим тут, обогреемся заодно.

Тут на пороге послышался топот, и те же отроки внесли чарки и в глиняных корчагах питьё, расставили ловко перед гостями, налили золотистой жидкости каждому в деревянные чарки из общей тары.

- Спрашиваешь, давно ли так, - задумчиво начала Радим, сжимая в крупных ладонях посудину. - С того времени, как Ярополк в Оруше осел, с тех пор и приключаются такие беды, - сорвалось с языка мужчины, будто с сердца снял затаённое подозрение, такое не прикроешь красноречием. Поднёс к губам чару, делая большие глотки, кадык камнем заходил по горлу.

Сидевший рядом Повис свёл брови, кашлянул в кулак, видно недоволен остался такой прямой откровенностью Радима, но поперёк слова сказать не решался, старшему рода виднее.

- Так вы под его крылом... - не смолчал Вяшеслав.

Радим поднял потемневший взор на воеводу.

- Под крылом. Плохо князь держит в своей земле людей, и об этом не я один тебе скажу.

Посидев в избе, княжич понял, что здесь вовсе и не тепло было, как показалось по первой, после улицы. Пребран отпил кисло-сладкой браги, раздумывая над сказанным, которое нравилось ему всё меньше.

- Нас тоже приветили неласково, - признался, наконец, он, ставя опустевшую чарку обратно на стол. - Обобратить хотели до нитки, жизни лишить.

Дверь за спинами скрипнула - вернулся Расцел.

- «Белый камень» - гиблое место, народ туда местный не суётся... - задумчиво протянул Радим. - Ладно, утомлять разговорами не стану, - вынырнул он из смутных размышлений. - С пути вы верно, уставшие. Будьте гостями сегодня, места всем хватит, ныне многие избы лишились своих хозяев, - сказал он со скорбью в голосе.

- Если нужно помочь чем, поможем, - отозвался княжич.

Радим только рукой махнул.

- Разве только... - в глазах его только ненависть вместе с болью забурлила, что по заливку холодок прокатился, - ...костёр погребальный собрать... - с этими словами он поднялся.

Следом поднялись и все, княжич бегло переглянулся с воеводой, тот, похоже, тоже строил догадки о том, чья правда тут. Может, роды между собой повздорили, а князя легко можно и крайним поставить. Князь если и позволит себе так бесчинствовать, то долго на своём месте не продержится. Это не с руки, чтобы народ на него озлобился.

- Что думаешь? - тихо спросил Вяшеслав, поравнявшись с Пребраном.

- А что тут думать, держать надо ухо остро, нечисто всё. Узнаем правду, только когда на место прибудем.

- Мыслю я, поменьше слушать сплетни нужно, как бы самим в сети не попасть.

Пребран выискал взглядом Радима, что шёл впереди всех, ведя путников к терему.

- Одно знаю точно, у Радима верно страха нет, чтобы так говорить о князе, но с другой стороны, столько людей потерял, сгоряча всякое можно ляпнуть. Посмотрим, пока ни во что не вмешиваемся.

Воевода твёрдо кивнул, соглашаясь. Пребран повернулся к другим да не рассчитал, дёрнулись мышцы, и он невольно скривился, хватаясь за бок.

- Тебе бы целителя...

Пребран лишь хмуро глянул на Вяшеслава.

Народу вокруг терема стало больше несмотря на то, что свободные руки ныне необходимы. Во взглядах таилась опаска, но видя, как свободно и расслаблено шагал старший рода, поутихли, и теперь в их лицах был след любопытства. Чуть поодаль, где-то за оградой, слышались голоса, женский плач. Для кого-то нынешняя ночь принесла горе, в последний путь собрались те провожать родичей, мужей, что встали защищать свои семьи. Пребран поёжился - не вовремя они прибыли, лишний груз только княжеская дружина хозяевам острога. Поднимаясь по ступенькам, он хватался за брусья, каждый шаг подъёма давался всё трудней, а

лестница, крутая, высокая, казалось, и не кончится. Вошли в узкую дверь, где в тесном куте разминулись с женщинами рода. Были среди них и молодки, и старшие хозяйки, и пропуская гостей внутрь, они кланялись, как по обычаю. Значит, живы среди них боги.

В горнице терема было просторней, но с улицы так же полумрак царил, маленькие окошки - человеку не пролезть - пускали в помещение мало света. Стены здесь чище, от копоти очага почти и следов нигде не оставалось, полатей и лежанок не имелось, как принято во всех избах. На стол уже ставили енды, вынесли и крупные окорока секачей, тушки щук, пироги, да крынки с питьём: мёдом, квасом и брагой. Не поскупились. Впрочем, год был урожайным, столы накрывали богато, коли было кому трудиться на пашнях. Пока воины мыли руки в сенях, в поднесённых девками лотках, и рассаживались на длинные дубовые лавки, Вяшеслав уже о чём-то переговаривал с Радимом.

«Неймётся же воеводе», - скрипнул зубами Пребран.

- Гаяна, - подозвал Радим одну из женщин, самую старшую из всех.

Пребран проследил, как величаво вошла Гаяна, отвернулся, не пристало рассматривать открыто чужих жён.

О чём они переговаривали, княжич не слышал, но разговор оказался недолгим, хозяйка торопливо вышла в двери, а следом донёсся её оклик.

- Ладимира!

Послышался топот с лестницы, но в горницу так никто более и не вошёл.

Радим и его ближники за стол садиться не стали - некогда, ещё многое предстояло им сделать дотемна, а сумерки после обеда сгущались быстро. Остались гости в полном одиночестве, и разлилась по горнице тишина. Ждан, сцепив пальцы в замок, смотрел на выставленные яства, бросая тяжёлый взгляд на дверь.

- После постоялого двора боязно притрагиваться к пище.

Пребран хмыкнул, потянулся к крынке с квасом, налил себе, отсёк тесаком остывшего мяса. Положив кусок в рот, пережевал тщательно, запив кисловато-солёным квасом. Вяшеслав, что до этого сидел хмурый, вовсе помрачнел, и о чём думал воевода, только знал он, но верно беспечное отношения княжича не пришлось ему по душе.

- Отчаянный ты. Вот смотрю на тебя и не понимаю...

- А ты и не пытайся, - сказал княжич, впиваясь зубами в белую мякоть.

Вяшеслав, поиграв желваками, мотнул головой и потянулся к скудели.

Ели молча, каждый думая о своём. Вяшеслав больше не разговаривал, да и не о чём было. После гостей развели по клетушкам. Пребрана вместе с Вяшеславом и Жданом разместили на нижнем ярусе, где топились и днём, и ночью, остальных отвели в другую половину - в одном куте места всем не хватит. Хотя воеводе не шибко понравилось, что их разделили, но коли до сих пор живы, значит, подвоха ждать и не стоит. Вскоре, пока мужчины сбрасывали многослойные одежды, заглянул мальчонка, бледный, с жуковыми волосами, упредил, что баню натопили.

Вяшеслав, потоптавшись на месте, пошёл первым к двери. Как ни осторожничай, а тело просит своё, отказываться от целительного жара да после мороза - глупость, кто знает, как скоро они доберутся до Оруши. Ждан поплёлся следом. Пребран, бросив налатник на ларь, не спешил в истопку. О теле легко позаботиться, куда сложнее оживить душу, разжечь сердце, которое уже давно погребено под слоем пепла, сердце, что кануло в холодное забвение, не оживить по одному лишь велению. Исподняя рубаха, к удивлению княжича, была пропитана кровью и разодрана. Когда Пребран стянул её, его глазам открылся раненный бок. Кожа была багрово-синей, кровоподтёк расползся по рёбрам к груди, и всё же была колотая рана, успевшая подсохнуть, но края ещё были разодраны, не успели поджечь, видно каким-то осколком тать всё же пырнул его. Пребран облегчённо выдохнул - рёбра целы, и то ладно. Дотронувшись пальцами до места ушиба, скривился от прострелившей боли, от которой даже зубы свело. Шум

за дверь вынудил его выпрямиться. Створка чуть приоткрылась, и по ту сторону послышался женский голос.

- Можно?

Пребран потянулся к рубахе, ей теперь только полы вытирать. Скомкал, выкрикнув:

- Входи!

В дверь с низкой притолокой вошла девица с плетёнкой в руках. Увидев полуголового мужчину, она было поспешила отвернуться, но рана приковала взгляд.

- Меня Гаяна прислала, - выдавила из себя. - Помочь пришла.

Пребран швырнул рубаху на пол и прошёл к лавке, расправил узлы походного мешка, выудил чистое исподнее, повернулся. Рассматривая подосланную Гаяной девку: низкая, тёмно-русые волосы до бедра сплетены в косу, змеятся по вискам выбившиеся пряди, выгоревшие на солнце. Под просторным домотканым платьем зелёного, как речной рогоз, цвета, всё же проступали очертания груди. Перестиранное и поношенное платье подвязано суконной верёвкой, выделяло и талию, но с виду девица казалась изнурённой. Не кормят, что ли? Притягивали взгляд только глаза, что яркие льдинки, синие, похожие на позднее осеннее небо в ясный день. Когда деревья голые и земля серая, небо всегда кажется невыносимо ярким. Но излишняя голубизна их была от того, что слёзы на них наворачивались. Помимо припухших век, выдавал и покрасневший нос - знать недавно плакала. Видно беда и её семьи коснулась, отняв кого из родичей, а может, и мужа... По виду так созрела уж давно, но коса одна, не две, как носят замужние.

- Не нужно утруждаться, но от меня поблагодари хозяйку, - Пребран расправил рубаху, просовывая голову в ворот. - Я думал, для такого дела придёт помощник поопытней, и уж точно не девка.

Когда повернулся, одёргивая подол, гостя всё так же стояла на пороге столбом и уходить, похоже, не собиралась.

- Ну, чего застыла, глухая, что ли? Сказал же, что помощь мне не нужна, иди.

Лицо девки от резкого тона заострилось, в глазах вспыхнул огонь, верно достал до живого, что забыла она о своём горе, уронив взгляд, но вместо того, чтобы развернуться и уйти, она шагнула в сторону, подобрав порченную одежду.

- Что ж, хоть для этого стожусь, - бросила она в корзину рубаху.

Не дождавшись никакого ответа, отступила к двери.

Княжича запоздало ударило чувство вины. Просто гад, у людей же горе.

- Постой, - остановил он девку.

Та замерла, положив уже ладонь на створку.

- Как тебя зовут?

Подняв подбородок, она повернула голову и посмотрела так, что Пребран и пожалел, что окликнул её, плескалось в её глазах какая-то чуждость. Не смотрит, а режет заживо.

- Ладимирой звать, - выдавила она из себя через силу.

Княжич хмыкнул, оторвавшись от её взора, подобрал пояс, хоть подпоясываться с таким увечьем не следовало.

- Спасибо, Лади... - он накинул на пояс кожаную тесьму.

Девушка побелев, толкнула створку, выскользнула наружу.

Завязав не тугой узел, Пребран прошёл к вещам, скинув всё с лежанки на сундук, лёг, закинул одну руку под затылок, другую положил на грудь, уставился в низкий балочный потолок. В истопку идти перехотелось совсем.

Тишина окутала, что даже из единственного окошка, затянутого пузырьём не слышны были уличные звуки, время будто остановилось, и стало как в глухой запруде, воздух повис душным слоем, давил. Пребран всё думал о том, что же было в послании отца к князю Ярополку. По разговорам и размышлениям Вячеслава княжич понял, что тот желал договориться

о союзе с соседними княжествами, хотя в последнее время отец стал отягощаться своим гордищем всё больше, поговаривая, что неплохо бы взять под крыло несколько небольших остров. Конечно, среди старейшин многие не разделяли его взглядов, с неодобрением относились к его затее. Доходили слухи и о том, что окрест возникали споры, многим мелким князьям не по нраву пришлись такие замыслы Вячеслава. Конечно, восстать никто не мог, слишком мало сил и людей у них было, а Доловск только разрастался, и с каждым годом народу прибывало много. Пребран всё пытался выяснить замыслы отца, и уж всю голову поломал, но так ни к чему и не пришёл. Тишина, наконец, укачала его любящей заботливой матерью, и он задремал.

Разбудил его грохот шагов - пришли Вячеслав и Ждан, раскрасневшиеся и разомлевшие от пара. Никто из них не стал спрашивать, почему он не пошёл со всеми. На улице смерклося. Чернявый отрок принёс гостям огня в клеть, от него и узнали, что все селяне отправились на курган, собрались справить тризну. Отсиживаться в тыне мужчины не стали, накинув кожухи и шапки, вышли из терема. Морозная ночь окутывала родовое гнездо, в котором остались верно только старики и пара рослых юношей - сторожить ворота. Массивными пластами наледь сходила с холмов, врзалась в заметённую снегом неширокую речку, стелился над ней заснеженный лес, разбивая своим холодным сиянием тьму. Зима перестанет буйствовать только после солнцеворота, пойдёт на убыль, а сейчас лютует, не щадя ни птиц, ни заблудшего в лесу человека.

Поднялись на холм, ударил багряным заревом окоём, разливая по кромке леса огненный сплав света, будто исходящий от калёного железа, и таяло в нём совсем не греющее солнце. Там, у русла, уже полыхал костёр, вокруг собралось немалая толпа, были и дети, и старики, кто ещё мог держаться на ногах. По мере приближения нарастал гул пламени, что пожирал уже подмости, на которых покоились те, кто отдал жизни ныне ночью, защищая свои семьи. У самого подножья стояли родичи погибших, тут же возвышался каменной глыбой Радим, а рядом его ближники. Служители распевали погребальные песни, помогая душам подняться к высшим чертогам. На присоединившихся чужеземцев никто не обратил внимания. Пребран посмотрел в сторону, невольно взгляд его зацепился за невысокую девичью фигурку, закутанную в кожух и шерстяной платок, пальцы её сминали пущенную по плечу косу, золотистый свет от костра играл бликами на её лице, на щеке блестела влажная дорожка. Ладимира сжимала губы, неотрывно глядя в тлеющее пламя. Будто почуяв на себе чьё-то внимание, она повернулась и так взглянула на княжича, что внутри у того всё дрогнуло. Сей же миг взгляд её будто ледяной коркой подёрнулся, губы вытянулись в прямую упрямую линию, и в глазах появилась отрешённость, она смотрела сквозь него. Развернувшись, девица пошла прочь, спеша затеряться в толпе. Больше Пребран её не видел, но мутный осадок раздражения всё же опустился на дно. И чего она попадает на глаза?

ГЛАВА 4. Решение

ГЛАВА 4. Решение

Ладимира зашла в избу, обив от снега ноги о порог, когда небо уже тронуло золотисто-розовым светом. Ночь пролетела быстро. Отпускать отца сердце всё противилось, казалось, душа его не вошла в поднебесье, а всё вилась подле, рядышком, к теплу тянулась, к дочери, к родной крови. Он-то в силе был, и порой неловкость его брала, когда Ладимира ласково батюшку называла и обнимать решалась. И всё же мало она тепла давала. Мало. А теперь уже и поздно. Тоска нахлынула, как порыв ветра, а внутри бездна разверзалась ледяная. Ничего уже не вернуть. И сёстры где сейчас, в какие края их уводят? О них думать было невыносимо, представлять, как измываются над ними.

Ладимира шмыгнула замёрзшим носом, чувствуя, как слёзы вновь набегают на глаза, застила их пеленой. Нельзя так, зря, выходит, у погребального костра стояла, прощалась?

Она прошла вглубь. Девушку встретила пустая горница, тлели на столе огарки восковых свечей в бронзовой плошке. А раньше полон дом был, теперь сестры и племянницы далеко, идти за ними некому, мужьям их ныне не встать с костра, а те родичи, что остались, им самим бы выжить. Без хлеба остались, и детей уцелевших ещё прокормить нужно. На короткий миг пожалела, что ей-то самой удалось схорониться, что не поделила страшной участи. Ёжась, Ладимира стянула с головы платок. Оказавшись в тепле, поняла, как сама застыла вся - пальцев на ногах не чувствовала, а руки заоченели, одеревенев. Такой озноб пробил, что зуб на зуб не попадал, внутри сжималось всё и сотрясалось. Хорошо, что за ночь изба ещё не выстыла, но тепла всё равно не хватало. Девушка прошла к печи, выбрав паленья, бросила в топку, на тлеющие угли. Сухие дрова вмиг занялись, загудел огонь, заиграл отсветами по каменным стенкам печи, вроде как и потеплело на душе. Так и стояла, бездумно наблюдая за игрой теней, слушая гул пламени. И вскоре трясушка отпустила, жар полился по телу, а внутри сделалось спокойно, но надолго ли? Стоит представить отца, и сердце защемляет от тоски. Ладимира быстро отогнала подступающие острыми когтями скорбные мысли, что так травят её. Спихватилась тогда только, когда уже кто-то так же обивал ноги о порог. Вздрыгнула, когда в дверь тихо постучали. На миг страх всплеснул, заставляя сердце биться гулко, уж было за кочергой потянулась, но тут же успокоилась - если кто со злом, уж поди вежливо стучаться не станет.

- Это я, Даян, - послышалась по ту сторону.

Лёд от груди отлёг, Ладимира перевела дух, а вот сердце так и колотилось. Она прошла к двери, дёрнула тяжёлую железную щеколду, толкнула створку. Внутрь шагнул рослый парень, едва плечами разошёлся с проёмом двери, и всё одно чуть боком вышло, да голову в меховой шапке пригнул. Синие глаза, что проруби во льду, смотрели на Ладимиру неподвижно, а всё же жгли. Потянуло прижаться к нему, обнять. Даян мог утешить, но Ладимира оставалась на своём месте, ни шагу не ступила. Не нужно давать ему лишних надежд. Весь день друг у друга на глазах, а всё порознь держались. Даян дышал неровно в её сторону ещё с прошлого лета. Ладимира до сих пор не ответила ему взаимностью, но от того внимание его ещё ни на долю не убавилось. Правда сватов он не спешил присылать, то ли ждал, когда оттаит её сердце, то ли отца её побаивался, возьмёт тот и откажет. Теперь уже и присылать не к кому, разве только к старшему острога. Тот, ясное дело, не задумавшись, отдаст.

Даян, спихватившись, стянул шапку с головы, встряхнул горчичного цвета вихрами. Такой же светлой бородкой обросло его лицо, делая глаза ещё ярче. Сейчас тлели в них отсветы очага. Не сказать, что Даян был красивый. Чуть грубоватые его черты скорее должны были оттолкнуть: крупные скулы, узкий нос, глаза глубоко посажены, и надбровные дуги чуть высту-

пали вперёд. Привлекала же его сила и стать. Длинные пальцы юноши смяли шапку, выказывая нетерпение. Холоден снаружи, но внутри раскалённым сплавом бурлила лава. Трудно было находиться рядом с ним, сдерживать ураган, который, только дай волю, обрушится на Ладимиру, и от того сторонилась Даяна, не подпускала. Но ныне слишком одиноко было ей, невыносимо драла душу боль.

- Проходи, - пригласила она, а сама сняла с плеч кожух, повесила на крюк, незаметно утирая ладонями проступившие слёзы.

Даян стянул сапоги, скинул тулуп, девушка, приняв его, повесила рядом со своим.

- Как же хозяйство будешь одна вести? Тяжело, сильные руки тебе нужны, другим домочадцам не до тебя будет, разве только кормиться у старшего, - проходя в середину горницы, сказал он.

Не понравилось, что он начал о своём в такое неподходящее время. Конечно, старший обязан держать острог и стараться сохранить народ, да только и в самом деле совестно, девка молодая, должна уже свою жизнь устроить, одной в такое беспокойное время оставаться не безопасно.

- Я понимаю, как тебе тяжело, но сама подумай, как управляться станешь, когда подчистены погреба, да выведен скот, как кормиться будешь? Ведь до конца зимы ещё далеко, - не отступал Даян.

Как бы ни злилась Ладимира, Даян прав. Проклятые душегубы. Девушка подняла взгляд на ожидающего парня. Тот, видя смятение невесты, чуть наклонился, сказал:

- Завтра я пойду за согласием к Радиму, потом к родичам твоим. Но сначала... - он протянул руку, касаясь потеплевших пальцев девушки.

Ладимира хотела отдернуть руку, да стерпела.

- Мне нужно услышать твоё согласие.

Девица подняла на него взор, и так тесно сделалось у неё внутри, что горько стало, и язык во рту словно распух. Она кивнула. Даяну этого было достаточно, тонких губ коснулась удовлетворённая улыбка, но тут же исчезла. Юноша оказался не так и терпелив, поднялся со скамьи, обошёл стол, подхватив Ладимиру, вынуждая встать на ноги, рывком прижимая к себе. Девушка почувствовала под слоем одежды, как гулко колотится его сердце. В следующий миг она ощутила жёсткие обветренные губы мужчины на своих губах. Поцелуй был столь требовательный, настойчивый, что Ладимира сначала опешила от такого порыва, но тут же ухватила себя, заставляя успокоиться. Это её будущий муж, и ничего страшного в том нет, если поцелует, а касается так её он впервые за всё время. И когда уладила волнение, внутри всё же завязался узелок желания, а когда позволила углубить поцелуй, погладить спину и то, что ниже поясицы, разлилась по животу истома. Однако же ум продолжал стучать, что всё это нужно немедленно прекратить, да и сама она ещё не до конца осознала, что испытывает к Даяну, какие чувства. И вроде по нраву, всё устраивает, да только сердце не обманешь, будет ли счастлива с ним? Но ей ли теперь выбирать? Поглаживания Даяны становились жёсткими, даже грубыми, отпускать он её, похоже, не собирался. Ладимира, сыскав подходящий миг, отстранилась и утонула в синева глаз, полных желания, провалилась их глубину. Он смотрел будто сквозь, и ум его был где-то далеко, а руки продолжали блуждать по телу, где им вздумается. Ладимира отпрянула, но Даян не позволил и шага ступить, обхватил, прижимая к своему телу теснее, в живот упёрся затверделый бугор, она ощутила, что мужчина готов совершить то, чего она и не хотела ныне.

- Что ты делаешь, Даян?

- Мы же взрослые уже и сами можем решать всё, - шепнул он сбивчиво.

- Что ты такое говоришь? Отпусти меня немедленно! - пихнула она его в грудь.

Даян несколько мгновений не шевелился, а только смотрел на неё, теперь уже осмысленно.

- Прости, просто так долго ждал.

Он убрал руки, и Ладимира отбежала к печи.

- Тебе лучше уйти.

Даян бросил на неё взгляд исподлобья.

- Хорошо, ты права, уже и так скоро будем спать, как законные муж и жена, прости, - юноша всё же прошел к порогу, снял тулуп с крюка, надел на себя, подхватил с лавки и шапку, но застыл, рука потянулась к корзине. Он развернул рубаху.

- А это откуда, чья?

По лицу Даяна никогда не поймёшь, что у него на уме. Будто всё что происходит вокруг обходит его стороной, волна беда, как ветер, бьётся о скалу, а той всё нипочём -

Это Ладимире не нравилось, и даже пугало.

Ладимира выдернула из его рук одежду.

- Какая разница.

И тут-то лицо Даяна перекопилось гневом, впервые, глаза вспыхнули, но мужчина смолчал, поиграв желваками, повернулся к двери и со злом толкнул её кулаком. Ладимира вздрогнула, когда дверь за гостем хлопнула. Стихли шаги на пороге. Она уронила взгляд, смяла в пальцах холщёвую рубаху, опустилась на лавку, что стояла прямо у печи. Вспомнила грубый тон княжича, и вовсе мутно сделалось внутри. В самом деле, кому она нужна такая? И чего она взялась?

«Лади» - так только отец её называл. О Даяне она и вовсе позабыла, когда перед внутренним взором предстал гость из дальних земель. Как только отряд всадников появился на пойме, весь острог всколыхнулся, а завидя их израненные лица в синяках да ссадинах, старейшина вмиг собрал своих людей, чтобы дать отпор. Слава Богам, что обошлось всё, другого такого нападения они бы не выдержали. Как долго будут путники в остроге, о том не сказывали, но местные уже поговаривали, что те останутся на день ещё, помочь поставить стены.

Ладимира качнула головой, густо краснея. Надо же было ей зайти в неподходящее время. Запомнился княжеский сын отчётливо. Волосы светлые льняные, но уже с проседью, глаза серые, взгляд сначала обволакивающий, а затем проникающий в самую душу, выбивал дыхание из груди, таких глаз она ещё не видела, а тело его крепкое, мускулистое, здоровый, не считая того ранения. Надо было бы всё-таки настоять на своём, помочь. Злость на него постепенно спала, исчезла совсем, когда накатил боль потери, а потом и безразличие.

Ладимира разложила рубаху на коленях. Разодранная с правой стороны, но можно подлатать так, что незаметно будет, кровь выстирать сложнее, но и этому старшей сестрой научена. Поднялась, подхватила ведро, влила в чугунок воды и поставила на печь. Налила и кадушку холодной воды, замочила одежду, добавив туда настоя из мыльного корня. Мыслям не было покоя. Даян уже, быть может, обивает порог Радима.

Ладмира замерла.

А дальше что? Выйдет за него и станет жить, и горе постепенно да забудется. Не спокойно сделалось, не хорошо всё - свою жизнь устроит, бросив Найду да Золину? Бесчеловечно. Найда постарше, сильная, она сможет ещё выстоять, а вот Золина, семнадцать вёсен ей только. И тут-то Ладимиру прошибло, что даже в жар бросило. К Ярополку идти нужно, просить подмоги, пока ещё есть на то время, пока далеко не ушли!

Ладимира с ожесточением полоскала рубаху и, пока стирала, замысел этот всё креп. Должна попытаться, зато потом не будет терзаться тем, что могла бы вернуть родных сестёр, а не попыталась. Только кто отпустит её ныне?! Радим не позволит. Молча? Что б никто не узнал? Девушка так и села бессильно на лавку рядом с бадьёй, сознавая всю безысходность своего положения. Как добраться до Оруши в одиночку, когда разбой кругом? Безрассудно, а тем более, молодой девушке. С обозом? Да только в ближайшее время никто не замышляет

покидать острог, а чужих ждать - только время упускать. И тут-то Ладимиру пронзило. К княжескому отряду прибьётся, с ними и безопасно.

Девушка тут же помрачнела, осознавая все будущие последствия её своеволия. Если пойдёт, Радим прогневаётся, может не пустить обратно. Как объяснить потом, куда и зачем ходила? Поверит ли? А Даян? Озlobится. Возьмёт ли после в жёны? Да если не возьмёт, больно-то надо. К нему и душа совсем не тянется, разве только обязанность перед всеми. Впервые задумалась крепко о том, может ли жить с нелюбимым. Не сможет, не пошла нравом покладистым в сестриц. Не жизнь будет, а мука, разве только потом свыкнется, но эта доля совсем не радовала. Да будь, что будет, а найти девок должна попытаться. Их не бросит.

В избе светлело, день набирал силу, возвращались с берега один за другим, а то и толпами селяне. Ныне тихо будет в остроге, кто отсыпаться станет после двух бессонных ночей, а кто - чинить ограду вокруг поселения да латать сбитые с петель ворота и двери. Как бы не разъедала душу скорбь, а нужда не ждёт, некогда бросаться в пучину отчаяния, ещё нужно зиму выстоять.

В горнице становилось шумно и тесно, родичи, ставя валенки сушить на полати, валились с ног по лавкам, молча, не разговаривая, не спрашивая ни о чём. Ладимира всё ждала возвращения Даяна, косилась на дверь, ожидая с замиранием и страхом стук, но юноша не появлялся, и от сердца словно глыба отодвинулась, а когда стало темнеть, девушка совсем упокоилась.

К ужину поднялись и старшие, к тому времени Ладимира наварила ушицы из щуки, спекла хлеб да лепёшки с грибами. Хорошо, что в закромах ещё оставались припасы. Рыбу наловить не сложно в проруби, другое дело, где муку брать.

Отужинали, никто её не спрашивал ни о чём, и Ладимира тому рада была. Осторожно она выведала, что княжеский отряд покинет острог с зарёй, и пойдут воины пешие, потому как отдали лошадей Радиму за приют и в помощь. Что Ладимире только на руку, можно и вовсе не выдавать себя. По следу идти.

Только к поздней ночи все вновь разлеглись по своим местам. Ладимира тоже улеглась на топчан, прижимаясь спиной к каменной, пышущей душным теплом печи, задремала.

Проснулась до первых петухов. Тихонько, стараясь не шуметь, достала из-под головы приготовленную суму с вещами, кою заготовила ещё поутру прошлого дня, слезла с лежанки. Переплетя туго косу и одевшись в шерстяные платья, а сверху ещё и юбки с начёсом, на носочках прошла к порогу. Сунула ноги в валенки, накинула на плечи кожух, а голову замотала платком, надев сверху меховую шапку, что досталась ей от старшей сестрицы, и выскользнула за дверь. Осторожно и бесшумно прикрыла створку.

На дворе ещё стояла темень непроглядная. Хрустя снегом, девица вышла за высокий плетень, притянув за собой калитку, пошла по пустой, припорошённой за ночь снегом стёжке. Родичи кинутся искать - это да, но дальше острога носа не покажут, а потому скорей бы выйти за частокол. Отряд, ясное дело, вдоль реки пойдёт, там их и подождать можно. Ладимира шагала, утопая по колено в сугробах, выдыхая пар, главными воротами не пошла, там ночная стража - не пустят. Тайные ходы знал каждый селянин. Нырнув в низкую дверцу, прошла тёмный переход, а вышла уже к берегу реки, поросшему густыми чёрными кущами вербы и ивы, там смогла перевести дух. Спустилась по заледенелой лестнице с обрыва. Зубчатые стены остались где-то наверху, с тына её теперь не заметят. Но на миг страх всё же взял. Далеко Ладимира не отходила от острога никогда. Сомнение взяло, что дружина княжеская возьмёт такую обузу - девку. Доловский княжич, ясное дело, прогонит, если заметит преследовательницу. Девица поёжилась, вспомнив речь его. Сказал, как плетью отходил. Она дёрнула подбородком.

«Ну и пусть не берут, следом пойду, этого никто не запретит».

Показалась впереди развилка, Ладимира поторопилась, поднимаясь по взгорку, и вскоре вышла на дорогу, исчерченную полозьями саней. Отсюда острог как на ладони виден был, и избы в нём, что коробки игрушечные. Струились из печных глиняных дымоходов белёсые клубы, столбом поднимаясь в морозное небо. Тишина кругом и ни души, только начали петь

первые петухи, а лесистый окоём медленно и тягуче озарялся золотом. Ладимира невольно засмотрелась, прислонившись боком к шершавой сосне.

ГЛАВА 5. Путница

ГЛАВА 5. Путница

Пока мужчины собрались и вышли во двор старшего острога, уже достаточно посветлело. Синий ковёр снега мерцал в розовой заре. За высоким частоколом, ещё укутанный сном, седой лес щетинился по каменистым взгоркам. По словам Радима до Оруши осталось два дня пути, а потому дружина приободрилась - скоро можно будет и по-настоящему отдохнуть с долгой дороги. Хотя Пребран в том сильно сомневался. После того, что приключилось с ними на землях увягов, он и не знал, как встретит их местный князь Ярополк.

Распрощавшись с Радимом и его ближниками, шестеро воинов вышли за ворота, ведя в поводу двух меринов. Животных условились приобрести в какой-нибудь другой деревеньке. Два из них сильно хромали, всё же зацепило вражеское оружие. Мучить только. С чего бы и не отблагодарить хозяев? Приветили те знатно, ничем не обидели, а из лошадей в остроге только старые клячи и остались.

До Оруши, как оказалось, уж и рукой подать. Скоро вышли на дорогу, снова углубляясь в стылый сумрачный лес. Утро разгулялось быстро. Хоть мороз не отпускал крепкую хватку, нещадно жёг лицо и открытые участки тела, но спасали толстые плащи и кожухи, да меховые шапки с сапогами.

Шли споро, почти без остановок, бороздя снега. Дорога вела путников вглубь леса, извиваясь ужом среди заснеженных елей. Пахло морозным бором. Пребран изредка поднимал голову, вглядываясь в могучие кроны сосен, сквозь которые просачивалось серое, как свинец, небо. Места здешние дикие, мало народу селится окрест этой реки. Зато зверья полно, пару раз им попадались семейства крупных тетерев, сидевших ветвях лохматых сосенок. На этот раз Ждан взял лук и стрелы и шагнул в чащу, наказав его не ждать. Вскоре он догнал воинов с двумя тушками птиц.

Когда день перевалил за середину, и путники достаточно далеко ушли от острога, они решили сойти с дороги - мало ли, какая напасть может приключиться в этом беспокойном, богами забытом месте. Разбойники, что разорили Радима, ещё верно далеко не смогли уйти. По словам старшего, бежали они на север, дружины же путь был немного восточнее, но всё одно лучше не испытывать судьбу, позаботиться заранее. В чащобе идти было намного сложнее, зато, когда пробирались через сугробы, становилось жарко.

Только когда начало смеркаться, путники вознамерились искать подходящее место для ночлега. Выбрали скалистый вертеп среди тонких, как спицы, елей, куда ветер почти и не забредал. Разожгли кострище, расстелили подстилки, нарубили сучьев целую гору, чтобы сразу на ночь хватило. По обычаю Ждан насыпал снега в корчажку, вскоре талая вода забурлила, птица была ощипана и выпотрошена, а ещё через время воздух наполнился съестным ароматом, что желудки у всех начало сводить. Правда запах этот учуяло и зверьё. Из тёмной лесной утробы извергся волчий вой, от которого, как бы ни были мужчины привыкшие к дальним переходам, бесстрашные да могучие, а мурашки да разбегались толпами по телу, поднимая на загривке волосы. У высокой сосны послышалось тревожное фыркание и топот коней. Даже Вяшеслав не стерпел истошного подвывания, чертыхался и скверно выругивался. Вскоре к первым добавилась ещё пара звериных воплей, и тут уж стало совсем не по себе. Ясное дело, к костру не подобрются, да напасть на отряд, но если их соберётся с две дюжины, то...

Ждан не вытерпел, поднялся.

- Распугать, что ли? Невыносимо же, гром их разрази, от их воя еда колом встала.

Некрас тоже подобрался с места. Пребран, оторвав взгляд от багрового жерла костра, хотел уже их остановить, не хватало ещё за волками по лесу гоняться, мало ли кто тут ещё поблизости, но слова застряли в горле, когда слух его прорезал женский визг. Мгновенно он подпрыгнул с подстилки, остальные кметы тоже повскакивали на ноги.

Княжич вслушивался, не показалось ли? Хотя ясное дело, что и другие тоже не глухими были.

- Это что же, - выдохнул Никрас клубы пара, - девка рядом или морок? - осенил он себя солнечным знаменем, хоть то, будь колдовство в ночное время, не поможет.

Крик раздался уже ближе и громче, пронизывающий, до дрожи продирающий. Пребран очнулся первым, кинулся к оружию, что скинул рядом с костром, выдернул нож, далеко не запрятал, под рукой оставил, вытянул и тлевшую корягу из костра. Вой уже прекратился, и, к гадалке не ходи, звери добычу свою нашли, только откуда в дремучим лесу девке взяться? На догадки не было времени.

- Никрас и ты, Ждан, за нами, остальные, тут ждите, - скомандовал Вяшеслав, поспевая за княжичем следом.

Прорываясь через кусты, бежали в сторону, откуда доселе доносились звуки. Лес расступился, и перед ними открылась заснеженная прогалина, в серёдке которой замерла в сугробе беззащитная девичья фигурка. Девка пыталась отбиться от двух матёрых волков, что были едва ли не в половину её роста. Вяшеслав утробно гаркнул, пытаясь тем самым отпугнуть зверё, но без толку, растравленные волки, почуявшие горячую кровь, добычу свою не оставят, и пока мужи бежали, девушку кутыряли в снегу, как тряпичную куклу, чудилось иной раз, что разорвали, и верно только толстый кожух спасал от острых клыков. По крайней мере, хотелось верить в то. Девка пыталась подняться, но тут же волки яростно, с голодным рычанием дёрнули её за полу, норовили допрыгнуть до шеи, перегрызть ярённые жилы, но она не будь душой закрывала лицо локтями. Пребран метнулся вперёд, Вяшеслав и Ждан обогнули с двух сторон.

Молниеносная хватка, удар в брюхо, следующий в шею, волк взвизгнул, извергая из пасти кровь, извернулся, взбрыкнул и обмяк, другой, напуганный, шарахнулся в сторону, блеснуло лезвие серебром в руках Вяшеслава, и зверь тут же был прибит к снегу. Княжич, отерев лезвия о кожух, бросился к девчонке, которая без движения лежала в снегу, в стороне валялась шапка, волосы растрепались по снегу. Рухнув на колени, Пребран коснулся шеи пальцами, ощущая дрожь руды в вене. Развернув девицу, княжич выругался, лицо девушки было вымазано в крови, и руки тоже. Он осмотрел её, ощупывая запястья, шею вновь и вновь, но нигде не нашлось глубоких разодранных ран, и шея была цела. Она всхлипнула, разлепив ресницы, и было дёрнулась.

- Тихо, - сжал он её. - Всё хорошо, зла мы тебе не причиним.

Девушка послушалась, успокоилась, всхлипнула ещё раз, а потом вдруг ткнулась в мужскую грудь лицом, зарыдала.

- Ну, чего ревёшь, цела же, благодари богов, - пробурчал Ждан, верно бабьих слёз не смог стерпеть.

И Пребрану сделалось как-то не по себе от плача, нутро подрагивало, словно и ему передался весь её испуг.

- Нечего тут в снегу рассиживаться, - подстегнул Вяшеслав, собирая тушки матёрых. - К костру пошли.

Но девка не услышала его слов, сотрясалась от плача в руках княжича. И как тут прикажешь? И в ответ его мысли она троекратно вздохнула, заходясь ещё сильнее.

- Да успокойся же ты, - тряхнул он её. Собрав горсть снега, отёр её лицо.

Девка было задохнулась, глотнула воздух, приходя в себя. Пребран, подобрав её шапку, поднялся, подхватил её на руки, и все вместе тронулись со злосчастной прогалины, проваливаясь по колено в сугробах, направились той же дорогой к становищу. Больше она не ревела,

лишь только сопела, притаившись, пряча лицо в кожане. Когда приблизились к огню, воины повскакивали, увидев вернувшихся мужчин. Пребран опустил бедняжку на подстилку ближе к очагу, задереженел, когда в свете золотистого огня разглядел, наконец, незнакомку. Гнев внутри всплеснул против его воли. Ладимира не смотрела на него, трясась, сжавшись, окровавленные руки судорожно сжимали ворот кожане, который был разодран на локтях и полах, его теперь только выбрасывать.

- И как это понимать? - проговорил Пребран, холодея.

- Так-так-так, - протянул Ждан, тоже узнав девушку.

Мужчины смотрели на неё с любопытством и одновременно с недовольством, ожидая хоть каких-то разъяснений.

- Да погодите вы, - растолкал Вяшеслав кметей, опустился рядом.

Пребран, кипя от злости, отступил, уступая место воеводе, похоже, один он соблюдал хладнокровие и спокойствие.

- Как ты здесь оказалась, Ладимира? Случилось что в остроге? - спросил воевода тепло и участливо, что другим даже и совестно стало, что накинута на бедолагу.

Пребран воткнул в снег нож, опустился перед костром, ловя упрямый взгляд Ладимиры. «Вот же напасть».

- Случилось, - прошептала она. - Точнее, нет.

Пребран фыркнул, отвернулся, наблюдая, как другие принялись ошкуривать добычу. Что уж теперь добру пропадать, а волчий мех лишним не будет, можно и продать.

- Не спрашивайте меня ни о чём, я не скажу, - сказала она с трудом, - мне нужно в Орушь попасть, одной страшно было идти, вот к вам и прибилась.

- Зачем тебе в Орушь? - нахмурился воевода.

- Нужно, - шмыгнула девка носом.

Тут уж Пребран потерял всякое терпение, но Вяшеслав, обратив на него сердитый взгляд, остудил его пыл.

- Не хочешь, не говори, - ответил он девке.

- К Ярополку... мне нужно...

Пребран мгновенно поднялся на ноги.

- Никрас, - позвал он кметя.

Тот поднял голову, отрываясь от работы.

- Отправись поутру с ней. Проводишь её до острога. Тебя подождём в Оруше.

Дружинник понурился, но с волей княжича согласился, кивнул. Ладимира сидела, не шевелясь, даже трястись перестала, смотрела снизу-вверх широко распахнутыми, голубыми, как лёд, глазами, таким же влажными, как и в первый день, когда пришла к Пребрану в клеть. Видно никогда они у неё не просыхают.

«Вот бабы, только беду от них и ждать».

Девушка, наконец, осмыслив сказанное, замотала головой, разметав свалянные снегом волосы по плечам. И нельзя было не отметить, насколько хороша стала сейчас. Впрочем, бурлившее через края раздражение напрочь затмевало Пребрану ум.

- Я не вернусь. Я не вернусь, мне нужно к Ярополку, - повернулась она к Вяшеславу, подаваясь вперёд, подползая на коленях.

И от её умоляющего и искреннего взгляда так гадко сотворилось внутри, что ещё больше разъяряло. Пребран в два шага оказался рядом, навис глыбой.

- Вернётся, - отсек. - Мне такая тяжба не нужна, не хватало ещё, чтобы вслед нам отправился ещё кто, хоть этот, как его там, Даян.

Об намерении его взять в жёны Ладимиру стало известно всем без исключения, кто ночевал под кровлей Радима. Когда юнец, ворвавшись ранним утром, стал выпрашивать девуку,

Радим, ясное дело, его выставил вон с напутствием охладиться и прийти к нему не раньше, чем через сороковник, а лучше осенью, когда приходит на то время.

Пребран встряхнул шапку, надел на голову и натянул на уши озябшей девице.

Вяшеслав, посмотрев на неё с твёрдостью, помолчал, потом тяжело глянул на Пребрана.

- Как знаешь, - ответил он с каким-то равнодушием и поднялся, даже не взглянув на девушку.

Ладимира заледенела, верно понимая, за кем идёт последнее слово, и договариваться с тем, с кем изначально не сладилась дружба, не собиралась. Гордая.

Мужчины продолжили сдёргивать шкуры, Ждан, не проронивший ни слова, занимался костром, который начал потухать, Саргим отправился проверить коней.

Ладимира, видя, что заступаться за неё уже и некому, вернулась к костру, смотря в пламя, отрешилась. Плясал только неистово огонь в голубых холодных глазах, и на душе её творилось невесть что.

Обиделась знать, ну ничего, перебесится, пусть идёт в свой Орушь, только без него, не хватало ещё бабу тащить за собой.

- Даян наверняка что-нибудь для своей наречённой придумает, - с язвительностью ответил Пребран.

Ладимира вскинула на него взор и тут же отвернулась. Пребран фыркнул и, оставив воинов, отправился к седельным сумкам, сложенным у толстой сосны.

Подобрав из вороха вещей многопудовый свёрток медвежьей шкуры, Пребран скорчился - лихая пробежка дала о себе знать. Он и забыл, что рана не заживала, продолжала терзать его, покраснелась вокруг кожа, загноился порез, и то обидно, что совсем неглубокое ранение, пустяковое, а столько мороки. Усмирив сбившееся дыхание и вспыхнувшую боль, княжич подхватил тюк, вернулся к очагу.

Ладимира с влажными дорожками на щеках, растрёпанная, в подранном кожухе и с разводами крови по рукам, всё так же сидела на своём месте, подобрав ноги, согнув в коленях - ещё не отошла от случившегося. А ведь, в самом деле, если бы не подоспели, волки могли бы разодрать девчонку, тогда никто из острога её бы не нашёл.

Пребран бросил рядом с ней шкуру, но девушка даже не подняла на него глаз. Очень уж хотелось как следует растормошить да выпороть её, развела тут капризы и обиды. Верно не понимает, насколько затея её - отправится в городище - опасна. Тем более, одной, на что рассчитывает? Что ей нужно от Ярополка? Да не успеет до него и дойти, за первым же углом её насильничают, да ещё по кругу пустят, и потрёпанную изрядно в рабство продадут.

Вяшеслав на этот раз поставил в караул Гроздана. Остальные воины, взволнованные ночной схваткой, тихо переговаривались между собой, помалу успокаиваясь, и стали укладываться на ночлег. Одного костра на всех было мало, потому Ждан распалил ещё один, чуть поодаль. Ещё один разжёт Гроздан, дальше ото всех, под пологом, чёрных лап елей, чтобы не тревожить своими шагами ночью спящих.

Ладимира, до этого сидевшая, что ледяное изваяние, тоже было ожила, отёрла руки снегом от крови, собрала повлажневшие от растаявшего у костра снега волосы, пыталась заплести трясущимися руками в косу, да не вышло, бросила. Никто её не тревожил, только Вяшеслав сказал пару утешительных слов, да посоветовал лечь - утро вечера мудренее.

Пребран, подобрав постель, отправился к костру Горазда, подальше ото всех, ныне они не нашли с воеводой обоюдного согласия. Пусть воевода с путницей нянчится, раз уже принял на себя такую участь. Пребран же был слишком распахан случившимся, потому лучше ему было держаться подальше и от неё, и так гадко на душе, ещё слёзы, поперёк горла уже. Безумная. Впрочем, если подумать, то на безумную похожа не была. Раз Гаяна дала ей поручение помочь гостю, значит, годна в остроге.

«К Ярополку ей нужно», - хмыкнул он в который раз. По какой такой нужде? Неужели вздумала спросить с князя ответа, или, что ещё хуже, просить подмоги? Уж это не бабье дело. А может... решила лучшей доли искать. Как бы Пребран ни рассуждал, как бы ни сопоставлял, а ни одной из веских причин её поступка не смог найти. А потом и вовсе успокоился. Всё же когда-то он тоже наломал дров и столько глупостей совершил, что ныне и вспоминать тошно. Другое дело, смотреть на это всё со стороны, спустя время, никаких сил не хватало.

Пребран, укрывшись шкурой, наблюдал за игрой бликов и теней, что раскидывал костёр снопами искр. Стихли постепенно мужские голоса, и становище погрузилось в стылую тишину, только и слышны были потрескивание сучьев и фыркание успокоившихся лошадей.

Казалось, только-только закрыл глаза, как на шее ощутил чью-то горячую ладонь. Догадка пришла мгновенно, едва он пробудился, но вида не показал, оставаясь напряжённым на случай, если девчонка задумала что дурное. Однако опасения эти тут же рассеялись. Пальчики нырнули под шкуру, пробираясь к вороту кожуха, расстегнули петли, скользнули к рубашке, затем к ключицам, груди, огладили. Ещё через мгновение он почувствовал холодные, но мягкие губы на своей шее, проснулся окончательно, ощущая, как мягкие волосы девушки касаются скулы, окутывая смесью запахов, что оказались приятны ему. Особенно слышен был аромат кисло-сладкого яблока. Пребран открыл глаза, разлепляя успевшие смёрзнуться ресницы, но холодно ему не было, напротив, забурлила кровь по жилам, бросая в возбуждающий жар. Он повернулся, и тут же Ладимира прильнула к его губам. Он опешил - этого и вовсе не ожидал. Девушка целовала неумело, грубо и торопливо, и стало ясно, что в этом деле она совершенно не искусна, оставалось только догадываться, что её толкает на такие отчаянные поступки. Впрочем, размышлять Пребран уже не мог ясно, всё же не каменный, и пусть даже такие неумелые ласки, а вызвали волну желания, взбудоражили. Пользуясь тем, что княжич её не прогнал, Ладимира забралась к нему под шкуру.

Воины, закутавшиеся с головой, спали у костров, Гроздана поблизости не оказалась, верно пошёл смотреть окрестности. Пребран одним рывком увлёк девушку в горячие недра своей постели. Та, оказавшись под ним, тихо ахнула, но не воспротивилась, старательно приластилась. Пребран впился в её губы, целую жарко, подчиняя каждое её движение себе. Как бы Ладимира ни старалась скрыть своего волнения, а руки её, что блуждали по его плечам, дрожали, и вся она целиком тряслась, как осиновый лист. Лицо было бледное, и только глаза, как два доньшка, смотрели сквозь пелену, но не ту, которая бывает от желания, а ту, что соткана из страха. Это и заставило княжича мгновенно охладиться и взять себя в руки. Ладимира, не заметив перемены, случившейся с ним, слепо и смело прижалась к нему, призывая продолжить. Пребран позволил ей себя касаться, чтобы выяснить, на что та способна ради своей затеи. Распутницей она явно не была, и он давал себе отчёт в том, то это был её первый опыт соблазнить мужчину, да и предчувствие самой близости вынуждало её делать много лишних движений - это было заметно сразу. Впрочем, долго ждать не пришлось, руки её забрались под многослойную одежду, добрались-таки до голого торса, уж так она спешила, что даже зуб на зуб не попадал, явно не от жгучего желания. Ладимира замерла на миг в нерешительности, но тут же ладонь скользнула по животу и ниже, и снова застыла, касаясь там, где туго и горячо пульсировали мужские чресла. Глаза её округлились.

- И как далеко ты собираешься зайти? - спросил Пребран, сощурившись, дождавшись своего, внимательно посмотрел на неё.

Ладимира, и без того побелевшая, что мел, вовсе посерела. Тут он смог разглядеть борозды царапин на её лбу, скуле и шее, оставленные клыками волков. Она, моргнув, сбросила наваждение и, осмыслив вопрос, рванулась с подстилки, но Пребран грубо повалил её обратно, задержав, заставляя откинуться навзничь.

- Так не пойдёт, - прошептал он ей в ухо.

Вклинившись между колен, задрав тяжёлые подола юбок и платьев, жёстко обхватил бёдра, придвинув к себе плотнее, собрав в кулаки ткань потянул, да так что та треснула, навалился всем могучим весом, совершил пару резких мощных движений, от которых девка потеряла дыхание. Потёршись между её ног пахом, одновременно прижавшись к её губам, заглушая вырвавшийся из горла полувскрик, одной рукой грубо сдавил горло, другой ощупал мягкую грудь, подобрал косу, намотав её на кулак, натянул. Ладимира, оказавшаяся в плену, скрученная, словно жертва змеем, забилась под ним, задыхаясь, попыталась укусь за нежную губу, выдавливая из горла невнятное мычание, призывая на помощь. Пребран для пущей убедительности углубил поцелуй, раскрывая непокорные губы, врываясь в рот языком, что теперь девка и пискнуть не могла, почувствовал солоноватый вкус крови, своей. Только тут он ощутил, как ногти её раздирают шею и запястье руки. Отлепился от неё, тут же зажав ей рот рукой, чтобы девка не подняла лагерь на уши.

- А теперь послушай меня, - прошептал он, выдыхая пар, пронизывая её разъярённым взглядом. - Я не знаю, что тебе нужно от Ярополка, но поверь, то, что сделал я - всего лишь безобидная игра. Думаешь, все будут добрыми такими, как я? Ты добратся до него не успеешь, как тебя поймут и запрут в какой-нибудь корчме, не пощадят, так и знай. Слышишь? Никто там за тобой присматривать не станет, и, судя по тому, что я увидел собственными глазами, князь Оруши не из благодетельных вожаков, готовых душу отдать за свой народ и земли. Лучшей жизни ищешь? Так я тебе скажу, что не туда тебе нужно, куда ты собралась в одиночку, - сдавил он шею крепче, заговорив ещё тише. - Так что будешь сожалеть после того, как тебя попользуют двое, трое, а то и гораздо больше, что волки тебе всё же не перекусили шею. Такая участь для тебя была бы лучшей. Поняла? - зло тряхнул он её.

Грудь Ладимиры вздымалась и опадала, билось испуганной птахой сердце. Голубые глаза её увлажнились, заблестели льдинками, она зажмурилась, слезинки задрожали на её ресницах, перекатились на скулы и виски, растворившись в волосах. Девка кивнула. Беззащитный вид её вклинился в душу, будто килем в каменистое дно, всколыхнул прошлое, поднялся из недр памяти образ той, которую он доселе, все четыре года вырезал из своего сердца, сотряс всё внутри. Пребран, выругавшись, убрал руку. Девушка не закричала, только упрямо сжала побагровевшие от поцелуев и крови губы, сдерживая подкатывающее рыдание, сглотнула. Княжич поднялся, высвободив её из плена. Ладимира не убежала, как следовало бы после содеянного беспутства, села к нему спиной, сжимаясь и закутываясь в кожу.

- Своего решения я не заберу назад. Завтра ты отправишься обратно в острог. А там как знаешь...

Унимая плескавшееся через края бешенство и возбуждение, он подхватил сучья, переломив надвое, подбросил в очаг, подняв снопы искр и пепла. Может он, конечно, и грубо с ней, но нужно как-то вразумить. Пребран скользнул взглядом на женскую фигурку, что озябшим воробушком скукожилась на подстилке, сжал зубы. Ладимира сидела тихо, так и не поворачиваясь к костру, и не уходила к себе, но от его внимания не ускользнуло, как подрагивают её маленькие даже вместе с тулупом плечи - она беззвучно плакала.

- Оружие, которым тебя ранили - отравлено, - сказала она без всяких чувств, так же не поворачиваясь.

Пребран не сразу понял, о чём девчонка говорит, выныривая из глубины кипящей лавой злости. Ладимира повернулась, посмотрев на него мимолётным, скользящим взглядом, и снова отвернулась.

- Увяги так поступают иногда. Яд сильный, медленно проникает в кровь, но те, кто крепко, могут это перенести. Заживёт рана, только не скоро, яд изъест кожу, оставив после уродливый рубец, - голос её сделался уставшим, немного хриловатым, севшим в холоде. Она пошевелилась, поднимаясь на ноги с подстилки, медленно засеменила к своему месту, опустилась у костра.

Отдохнуть Пребрану ныне не суждено. Спасть перехотелось совсем, его трясло, в паху ломило, а ведь впереди целая ночь. Решив по возвращении Гроздана заменить его, пусть высыпается, он принялся наламывать веток. Княжич не заметил, как вернулась Ладимира, не ожидал. Встретив её жёстким взглядом, предупреждая, что приближаться к нему не стоит.

«Вот же прицепилась, ясно же дал понять, чтобы держалась подальше», - скрипнул он зубами.

Но девушка держалась прямо и даже немного с вызовом, глаза сухие не потеряли своей яркости, и от бывшего беспамятного испуга и отчаянной решительности следа не осталась, будто не её целовали только что, грубо подминая под себя. Но, как ни странно, не было в её взгляде отчуждения, а только безысходность. Пребран заметил в её руках суму, вопросительного глянул на девушку.

- У меня есть противоядие... В остроге мы им запасаемся, мужчины рода часто сталкиваются с душегубами, когда уходят на охоту или ставить сети, - попыталась разъяснить она, стоя в сажени от него, на границе света и темноты. Огонь выхватывал её гибкую фигурку из ночи, в русых, выбившихся из косы волосах, что лежали на плече, вспыхивали багровые искры, обливая золотистым светом овальное лицо, совсем кукольное и вполне миловидное. В прошлый раз она привиделась ему с несколько другой стороны, менее привлекательной. Он одёрнул себя, это всё не должно его волновать, будь она хоть писаной красавицей, своему обещанию не подпускать никого он не изменит.

- Позволишь? - спросила она, так же стоя на месте, не решаясь перейти незаметную глазу черту, которую он полоснул отчётливо ещё в самом начале своим весьма недружелюбным взглядом.

Миг он колебался. Ей проще всё усугубить, где брать уверенности в том, что девка не ускорит воздействия яда? А уж она способна на всё, в этом он убедился основательно, и похоже, собственная жизнь ей безразлична. Впрочем, его жизнь тоже имела для него мало ценности. Он потянулся к груди, расстёгивая последние петли кожуха. Ладимира отмерла, выдохнув, делая шаг к костру.

Мороз мгновенно схватил спину, прокатился по спине льдистый холод, дыхание стало стыть до онемения и кашля, а потому княжич оставил кожух на плечах. Ладимира выудила из сумы свёртки чистых полотен и мешочки, подхватила корчажку, засыпав горсти снега, поставила на огонь, и когда комья подтаяли, и вода подогрелась, она вернулась с посудиною в руках, усаживаясь рядом. Сосредоточенно, чуть хмурия брови, расправила лоскуты, промочила в воде. Коротко взглянула на него, избегая зрительной связи. Всё же чувствовала неловкость.

- Подними, - попросила она, - подсаживаясь ещё ближе.

Пребран задрал подол рубахи на боку, открывая рану. Наблюдать за тем, как она промывает её, он не стал, ощущая лёгкие, но уверенные касания влажной тряпицы на коже, и прикосновения эти оказались весьма болезненными. Мягкая ткань остро царапала воспалённую кожу. Дыхание невольно застревало, а жилы взбухали и натягивались, темнело в глазах, и окружающий мир покрывался рябью. Понял, насколько всё плохо.

- Надо было раньше. Запущено, - сказала Ладимира, глядя снизу на княжича. - Моих сестёр увели в полон, - помолчав, вдруг сказала она. - Я иду просить Ярополка вызволить их, пока ещё можно нагнать душегубов.

Пребран даже поперхнулся от услышанного. Нет, ну точно рехнулась. Он воззрился на неё пристально и с укором, нахмурился, пытаясь выискать хоть толику здравомыслия, но девчонка была настроена решительно, встретила его взгляд с непреклонностью и твёрдостью. Отвернулась, полоща лоскут в воде.

- Ты серьёзно надеешься получить от него помощь? - переспросил он, ожидая чего угодно, но не этого.

Князь маленького городишки не покинет своего гнезда, чтобы вызволить кучку деревенских, а тем более, другого племени, что находится невесть в какой глуши. Да и людей своих посылать, ослабляя защиту становища, не рискнёт. Но разве поймёт это бабий ум. Жалостью думает взять или чем-то другим, тем, что недавно предлагала ему?

Лоскут снова вьелся в самую рану, раздирая, казалось, плоть, словно под кожу вживляли раскалённое железо. Он скривился, но не пошевелился, перетерпывая боль. Истязания прекратились быстро. Ладимира отложила тряпку, подхватив мешочек, развязала узлы.

- Я должна попытаться... - голос её не дрогнул, но было видно, что девушка на грани, тихо проглатывала подступившие слёзы, черты её ожесточились.

- Сестёр увели, и сама сгинешь, - повторил он сказанное ранее резче. - Как бы больно и горько ни было от потери, а лучше забыть...

Ладимира упрямо дёрнула подбородком, всыпала серого порошка в ладонь, встала на колени, велев княжичу немного откинуться на подстилку. Быстро засыпала порез. Развернула длинное полотно, ловко обмотала вокруг пояса, избегая лишних случайных прикосновений.

- А ты бы забыл? - хлестнула она, словно плетью, взгляд мгновенно потускнел и замутился от тяжести дум. - Мне всё равно, - завязав тугой узел, отстранилась, стала собирать в суму вещи. - С вами или без вас я пойду в Орушь.

Пребран стиснул зубы. Девка оказалась не такой хрупкой, как это было видно снаружи, внутри таился железный стержень. Хотя и знал всего ничего, но упрямство её доводило до белого каления. Княжич мыслями возвратился к первоначальной затее - выпороть девчонку, как следует, чтобы ума прибавилось.

- Радим не пойдёт за ними, и никто и мужчин не пойдёт, слишком забот много, да и сил мало у нашего острога, людей не осталось, поэтому я пойду к князю, - сурово отрезала девушка.

Завязав узлы на суме, она поднялась с земли и, даже не взглянув на княжича, развернулась.

- Лади, - сдержанно окликнул он, хотелось сказать что-то утешительное.

Она замерла, но не повернулась, и это разозлило, не услышав больше ничего, пошла прочь.

Пребран сдал кулаки, пронаблюдав, как она вернулась к костру, встрепенулся, прошлась дрожь по телу, и он просунул вконец заоченевшие руки в рукава кожаных. Что ж, хоть что-то стало ясно, правда от того легче всё одно не было.

«Лади, Лади... и что же с тобой делать?»

Вернулся Гроздан, скрипя снегом. Пребран, взяв на себя задачу караулить, отправил мужчину на ночлег, а тот и рад был, хоть вида не показал. Наконец, в лагере настала полная тишина, улеглись все, и даже Ладимира. Пребран, подняв глаза к небу, всматриваясь в чёрную бездну ночи, в которой россыпью мерцали льдинки звёзд, выдохнул, пуская клубы пара. Он закрыл глаза, втягивая в себя морозный воздух, вызывая образ той, которая не стала его, а когда открыл, в нескольких вёрстах от него лежала с закрытыми глазами Ладимира, измученная и бледная, с розовевшими царапинами на лице, и выглядела она совершенно одинокой и беззащитной, как новорождённый младенец. Теперь у него вся ночь впереди на раздумья и мысли, но решение родилось прежде, чем он их осмыслил, внутренне уже знал, как поступить. Опасность будет высока, это Пребран отчётливо понимал.

ГЛАВА 6. Тропами войны

ГЛАВА 6. Тропами войны

Белая пурга мела так, что уже в двух саженьях всё терялось из виду, но слышно было, как визжат женщины, как прорезается через шум ветра лязг оружия, бешено взмывают языки пламени на кровлях, подхваченные пургой, гаснут и вновь заходятся. Острог защищали как могли, прогоняя чужаков, коля их копьями и вилами, но те не умирали, тащили полураздетых, скрученных верёвками женщин, и кто пытался отбить их, тут же был пронзён клинками. Кровь на белом снегу, что сок клюквы, яркая, кричащая и вызывающая в сознании ужас, белый снег мгновенно впитывал её. А потом всё стихло и померкло. В образовавшейся неподвижной тишине скручивалась тугими тенями ночь, раздался душераздирающий волчий вой, следом к нему присоединился ещё один. Сердце сокращалось бешено, вынуждая сжиматься от дикого страха и несущего по венам боли. Стало очень холодно, так что и не пошевелиться, не ступить шагу, тело сковало льдом, мелькнула совсем рядом громадная тень зверя, блеснули во мраке жёлтые глаза, круглые как луны, и хищные, как взгляд змеи. Мгновение - и он сделался будто человеческим, со злым ненавидящим прищуром. Ладимира попыталась укрыться, защитить себя руками, но едва ли смогла сделать движение, волк рванулся вперёд, и только тогда девушка смогла проснуться.

Она лежала пластом на земле под толстыми неподъёмными шкурами. Стоило пробудиться, почувствовала, как колкий мороз пополз к ногам, просачиваясь под покров, выстуживая нагретую за ночь телом постель. Влились вместе с холодом и звуки лагеря, явь обрушилась на девушку непосильной ношей, прибывая тяжёлым молотом к земле. Ладимира беззвучно оскалилась от немого стога, крепко зажмурилась, прижимая руки к груди, подтянула к себе колени. Мучительно захотелось вновь провалиться в беспамятство и очнуться дома, в остроге, в окружении родичей, увидеть сестёр в целости, отца - живым. Оглушило бездонное отчаяние - их она больше не увидит. Лучше уж заснуть вечным сном, но не испытывать больше раздирающей душу боли. Память, как назло, тут же подбросила самое постыдное, что случилось ныне ночью. Ладимира впервые ощутила гнусное омерзение к самой себе. Слёзы вмиг просохли.

Мужские грубые и простуженные голоса всё отчётливей вклинивались в разум, вынуждая Ладимиру подняться. Откинув край меха, она увидела тлеющий костёр и больше ничего. Ещё было сумрачно, но небо уже подёрнулось розово-малиновой дымкой, полосой стелились по макушкам деревьев рваные облака, утро разгоралось с каждым вздохом. Воздух был неподвижный, но мороз явно ослаб, не дышалось паром.

Ладимира, уставившись в костёр, наблюдая за кровавыми переливами углей, вздохнула. Ужас прошедшей ночи отступал, а вот воспоминания о глупой отчаянной затее уговорить княжича взять её с собой вызывали жгучий стыд. Впрочем, она ныне вернётся в острог и больше никогда его не увидит. Окончательно пробудившись, она села и тут же скривилась от ломящей боли во всём теле, с трудом шевелились руки и ноги.

- Доброе утро, - раздалось позади.

В руках остроносого и чернобородого воина были чарки, над которыми клубился пар.

- Сварил травяного взвара, - вручил он девушке напиток и предупредил: - Пей, и будем собираться в дорогу.

И в груди Ладимиры окончательно всё оборвалось, она приняла деревянную плошку, согревая об неё руки, мрачно посмотрела в золотисто-зелёное варево. Всё никак не могла понять, что стоит им взять её в дорогу, тут и пути осталось на один день. Обида сжала горло, оставляя девушку глухой к окружению. Послышался чьё-то возражение. Ладимира оглянулась.

Оказалось, что уже все без исключения были на ногах кроме неё. Лица воинов были сосредоточенные. О чём те разговаривали, издали не было слышно, но судя по жёсткому тону, вёлся спор. Неужели из-за неё? Ладимира хотела было отвернуться, но взгляд приковался к трёхаршинному в росте молодому мужчине. Княжич стоял спиной, на расставленных, слеplенных из каменных мышц ногах. Он что-то говорил приглушённо, с хрипотцой самому старшему из воинов. Что-то в нём притягивало её внимание. Быть может, сильное, гибкое тело, хоть и скрытое длинным, до колен, кожухом, оно выказывало в нём твердь земли - в этом Ладимира удостоверилась ещё ночью, когда Пребран навалился на неё всем весом. А может, то, что по сравнению с другими воинами, заматерелыми, широкоплечими, с толстыми бычьими шеями, с курчавыми бородами, его молодость несколько не убавляла его внушительности, что исходила будто изнутри. А там, внутри, таилась неумная, горячая, разъедающая душу и осушающая сила, рядом с ним находиться было невыносимо, хотелось бежать прочь от него, ведь сколько было силы в нём, столько и яда.

Он даже не обернулся, но Ладимира уже ощутила на себе цепкий, с прищуром, пронизывающий насквозь взгляд, которой хорошо отпечатался в её памяти, ещё когда она пришла к нему в клеть оказать помощь. Полоснул её хищным, звериным взором с толикой насмешливости и неproщения, будто она перед ним провинилась одним лишь своим присутствием. Не подпустит к себе близко, такой, как он, не знает, что такое сострадание и жалость. А ночью, когда попыталась вырваться из оков, взгляд тогда его сделался бешеным, и лютовала в нём самая холодная зима.

Ладимира вздрогнула. Это княжеский сын, и для него она - всего лишь серость, а простой народ - жуки, которые копаются в земле да навозе. Какое ему дело до неё, до её боли и потери, на что рассчитывала, когда пыталась подстелиться под него? Надеялась получить согласие. Да ему плевать на неё и на её беды! С чего вообще взяла, что он посмотрит на деревенскую простушку? Лицо её залило горячей волной, а внутри сгустилась тьма, разверзлась огненным жерлом безысходность, и так скверно и стыдно сотворилось на душе, что в пору сквозь землю проваливаться.

- Пей, а то остынет.

Ладимира вздрогнула, повернулась к костру. Никрас всё ещё был рядом и верно наблюдал, как она только что пялилась на доловского княжича. Девка опустила ресницы, пряча взгляд, но тут же встрепенулась. Довольно раскисать, хотя в той топи, в которой она оказалась, дно уже было близко. Она через силу подняла чарку к губам, делая глоток, глядя поверх посуды на Никраса. Невольно закралась мысль - не узнали ли другие о её походе? Но кметю не было до неё дела, шерясь от клубов дыма, что валил ему в лицо, он ворошил угли палкой, чтобы костёр разгорелся жарче. Зажимая в другой руке плошку, мужчина делал глотки между делом.

Похоже, княжич с дружинниками решили сразу отделиться, и в скором времени она вместе с приставленным сопровождающим отправится восвояси, а воины продолжат путь в Орушь.

- Что же, из родичей никто не пошёл с тобой? - спросил Никрас, мельком посмотрев на путницу.

- Отец погиб позавчера.

- А... - сделал он ещё глоток спокойно, не торопясь, - вон оно что... А братья есть?

Ладимира мотнула головой. Все девки в роду. Матери не стало, как последнюю родила.

Ладимира погрузилась в воспоминания. Мать она плохо помнила, тогда ей-то всего три весны от роду было. А вот старшей сестре, Найде, уже десять сравнялось, она и стала хозяйкой, помощницей отцу, и за младшими сёстрами присматривала. Золину нянчила, кормила козьим молоком, пеленала, всюду с собой таскала. Заботилась обо всех... Потому повзрослела она раньше срока, вышла замуж тоже раньше и осталась вдовой самая первая. И теперь в чужих руках.

Ладимира вдохнула и поёжилась от прокатившегося по плечам озноба.

«И в чём Найда провинилась перед богами, за что такая участь?» - разрывалось всё внутри от несправедливости и непонимания.

Уронила взгляд вниз, поджимая губы, испытывая неумолимую горечь. Руки все в царапинах. Она повернула ладонью к себе - кожа разодрана, попыталась сжать - больно. И вообще вся она была ныне разбитой, саднило горло, скребло горячее варево нёбо, а голова раскалывалась. И теперь весь её замысел казался непосильной ношей, обрушившейся на её хрупкие девичьи плечи. Наблюдая, как Никрас собирает тёплые вещи, она поторопилась допить угощение.

Переговоры дружинников ещё не прекратились. Ладимира, оставив плошку, коснулась волос. Растрёпанные. Только теперь заняли её мысли, как жалко выглядит она в глазах княжеских кметей. Свернув волосы, она сунула их под шапку. В подстилке из шкур отыскала и суму, а постель скатала, отряхнув от снега - её бы вернуть. Попыталась поднять, но связка тут же была перехвачена.

- Лади, тебе никто не говорил, что ты берёшь на себя слишком много? - прозвучал рядом проникновенно-мягкий голос.

С сердца будто камень упал, и ноги сделались тяжёлыми, руки - похолодевшими. Ладимира на миг растерялась от того, что княжич застал её врасплох, вспыхнуло было раздражение, но подняла взгляд и онемела, нырнув в серые с сетью охристых паутинок вокруг зрачков глаза. Теперь, вблизи и при дневном свете, рассмотрела всё богатое разнообразие этого неприметного оттенка. Но больше всего её удивило, что во взгляде Пребрана не было той насмешливости, которую она ещё недавно вообразила себе, так же не было ни осуждения, ни укора. А было то, что она ждала меньше всего - тепло. Взяв под локоть скрутку медвежьей шкуры, он подхватил с земли и её суму, которая тоже была нелёгкая. А это зачем? Ладимира поздно спохватилась.

- Что ты там носишь? - хмыкнул Пребран. - Булыжники, что ли? Зря ты ими не воспользовалась, могла бы справиться с волками и без нас.

Никрас хохотнул, выводя Ладимиру из оцепенения, она нахмурилась, уж ей не до шуток. Гневно вырвала из его руки суму.

- Вот и я думаю, что без нас - никак. Иди, - княжич кивнул в сторону собравшихся в путь кметей, велел дружиннику присоединиться к остальным.

Никрас не заставил себя долго ждать.

Ладимира так и вросла в землю, провожая его взглядом, ничего не понимая. Стало непонятно, с чего вдруг такая его перемена. Ночью он дал ясно знать, что не изменит своего решения. Что же случилось?

- Почему? - спросила только, но тут же прикусила себе язык. Зачем ей это знать?

Она пожалела вдвойне, когда Пребран мгновенно изменился в лице, а взгляд будто затуманился, расширились зрачки.

- Потому что, Лади... - он слегка склонился, заглядывая ей в глаза, - ...мне понравилось, как ты целуешься, хоть и очень неумело.

Жар плеснул к лицу так, будто её обдало варом, Ладимира невольно уронила взгляд, испытывая жгучий стыд, и тут же ресницы вспорхнули. Уж как бы Пребран ни старался раздосадовать, разозлить её, а нужно держаться непреклонно, и раз начала, не отступать, обратной дороги нет. Она согласна даже на это.

- Если ты считаешь, что ничего не бывает за просто так, то можешь как-нибудь потом отблагодарить меня, но... - последние слова княжич произнёс очень тихо, бархатный елеинный голос проник в самую душу.

Пребран подался вперёд, горячее дыхание его обдало её щёку теплом, под сердцем её занемело, и непонятно, от чего больше, от страха или...

- При одном условии, если ты этого действительно захочешь, - заключил он, произнося отчётливо каждое слово, будто в том и не сомневался.

Потом он отстранился, позволяя дышать вновь. Несколько мгновений Ладимира слышала тяжесть собственного дыхания и трепет сердца, она смотрела на княжича молча, наблюдая, как золотистые искры в его глаза пляшут отсветами, словно бесы в самую длинную ночь. Ну уж нет, больше такой ошибки она не совершит! В ответ ему девка могла бы тоже выплеснуть что-то язвительное, но находясь под его взглядом, чувствовала, что мысли разбегаются, будто мальки на речном дне. Невольно перевела взор на его губы, обветренные и в ранах, оставленных ей же, когда пыталась отбиться. Уголки этих губ дёрнулись в ухмылке, заставляя очнуться и вновь опустить ресницы.

Пребран, не получив ответа, вздохнул, выпрямился. Несмотря на беспокойную ночь, выглядел он отдохнувшим, и Ладимира почувствовала себя рядом с ним мокрым захапшим воробьём.

- Не дрожи так, Лади, доберёшься ты до Оруша, только предупреждаю, что легко не будет.

- Я вынесу всё, - шепнула она севшим голосом, плотно сжала губы, пытаясь вывернуться из его сетей. И когда успела угодить в них?

- Не думаю, - напряжённо ответил он, помрачнев, видно раздражаясь на упрямство девицы. - Но я тебя предупредил ещё ночью, что с тобой может случиться. Я и сам не уверен в том, на что иду и, если серьёзно... - глянув в сторону ждавших у костра мужчин, княжич сощурил глаза, делаясь в миг задумчивым. - Мне не резон отсылать своего человека, нас и так слишком мало, а впереди день пути и чужой город, народ. Вчера я погорячился, очень уж жаркая выдалась ночь, - всё же не упустил случая поддеть, подмигнул.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.